

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

849074

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова*

В сборнике «Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия» рассматриваются теоретические и прикладные вопросы интонации, лексики, грамматики в лингвистическом, психолингвистическом и методическом плане с использованием материала на английском, немецком, французском, русском, чувашском и азербайджанском языках.

Сборник рассчитан на научных работников, аспирантов, преподавателей вузов и школ и студентов старших курсов.

Готовится к печати второй выпуск сборника под таким же названием.

Р е д к о л л е г и я:

доцент Петров Г. П. (отв. редактор),

доцент Зерняев Е. М., доцент Иванов В. И.

доцент Иванов В. А. (зам. отв. редактора)

Чувашский государственный университет, 1976 г.

Е. М. ЗЕРНЯЕВ (Чебоксары)

КОММУНИКАТИВНАЯ НАГРУЗКА ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРОСТОГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ, ЧУВАШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Среди грамматических категорий немецкого языка, выражающих отношение говорящего к высказываемой мысли, особого внимания обучаемых и обучающих требует коммуникативная нагрузка членов предложения¹. Это явление не нашло еще должного освещения в учебниках и учебных пособиях. Как показали проведенные нами тесты, учащиеся не знают средств выражения коммуникативного задания в устной и письменной речи, при чтении текста затрудняются в определении коммуникативного центра высказывания², что мешает им в выборе правильной интонации.

Мы поставили перед собой задачу — сопоставить коммуникативную нагрузку главных членов простого повествовательного предложения в немецком, чувашском и русском языках в методическом плане, выделить при этом формально-грамматические средства логико-коммуникативного перекодирования устных высказываний в письменные, что, по нашему мнению, должно облегчить учащимся чувашской, а также русской школы овладение немецким языком как средством общения.

Известно, что главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), как и второстепенные члены, получают в акте общения, помимо своего основного значения, коммуникативную нагрузку, т. е. выражают «данное» или «новое» в сообщении. Значения данного и нового накладываются на основные вещественные значения подлежащего и сказуемого³.

¹ Крущельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., Изд-во лит. на иностр. языках, 1961.

² Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie, Band 2. Leipzig, 1970.

³ Термины «данное» и «новое» отражают установку на слушающего: данное — это известное, новое — это неизвестное для него. Вместо «данное» и «новое» часто употребляются термины «тема» и «рема».

В сопоставляемых языках подлежащее выражает большей частью данное, а в сказуемом выступает что-то новое⁴. Например: *Leider ist Junge nicht gekommen*. Шел, ача *килмерё*. К сожалению, мальчик не пришел. Здесь данное — «der Junge», «ача», «мальчик», оно известно слушающему (читающему) из предыдущего сообщения (контекста). Об этом известном сообщается нечто неизвестное — «ist nicht gekommen», «килмерё», «не пришел».

Наряду с этим и подлежащее нередко несет нагрузку нового, а сказуемое является данным, ср.: *Ein Junge ist gekommen*. *Пёр ача килчё*. Пришел какой-то мальчик.

В распространенных предложениях выделяются состав данного и состав нового, ср.: *Nur der gesellschaftliche Charakter des Eigentums verwandelt sich*. *Харпärлähэн обществалла уйрämлäхё çec улшанать*. Изменяется лишь общественный характер собственности. Здесь составами нового являются «*nur der gesellschaftliche Charakter des Eigentums*», *харпärлähэн обществалла уйрämлäхё çec*», «лишь общественный характер собственности».

Встречаются также простые повествовательные предложения, содержащие только новое (односоставные в плане коммуникативного членения), ср.: *Es war ein rauher Winter*. Питё сивё хёл пулна. Была суровая зима.

Как показывают исследования советских и зарубежных лингвистов⁵, в языке взаимодействуют и сосуществуют различные средства выражения коммуникативной нагрузки членов предложения. К ним относятся: 1) интонационные средства — логическое ударение; 2) синтаксические средства — порядок слов, целые синтаксические конструкции (залоговые обороты); 3) лексические средства — модально-усилительные слова; 4) морфологические средства — неопределенный (нулевой) артикль, определенный артикль.

Рассмотрим использование этих средств для выражения коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого простого повествовательного предложения в сопоставляемых языках.

Интонация является однозначным средством выражения коммуникативной нагрузки. В устной речи она действует непосредственно, а в письменной речи — косвенно, через синтаксические, морфологические и лексические средства. Поэтому правильное интонирование предложений при чтении текстов на немецком языке во многом зависит от усвоения этих средств.

⁴ Анализируемое явление лучше всего прослеживается в контексте.

⁵ Die Deutsche Sprache. Указ. соч.

Новое в предложении выделяется логическим ударением («ударением нового»)⁶. Ударный слог слова, выражающего новое, противопоставляется другим слогам своим усилением и переломом основного тона голоса на нем, ср.: Singen alle kleinen Leute (Kuba. Yankee doodle). Явăнаççे хыçалта çивёт вёçе кăтрисем (К. Иванов). Хороши зимние вечера в колонии (А. Макаренко). Сказуемые, выражающие новое, вынесены в этих предложениях на первое место. Они произносятся с сильным динамическим ударением, что придает предложениям эмфатический характер.

В интонационном выделении нового в немецком, чувашском и русском языках имеются расхождения. В немецком языке ударный слог слова, выражающего новое, произносится резче, чем в чувашском и русском языках. Он удлиняется за счет гласного (если последний является долгой фонемой) или за счет согласных (фрикативных и сонорных), если гласный является краткой фонемой. (В нашем примере sing). В чувашском и русском языках ударный слог удлиняется за счет долгого произношения его гласного, ср.: явăнаççе, хороши.

Использование интонационных средств выделения нового в чувашском языке обусловлено организацией фразы. Так как здесь преобладает прогрессивное словорасположение с употреблением подлежащего — нового перед сказуемым, логическое ударение играет меньшую роль в выделении нового в предложении по сравнению с немецким и русским языками⁷.

Между сопоставляемыми языками имеются значительные расхождения в использовании синтаксического средства (порядка слов) для выражения коммуникативной нагрузки главных членов предложения. Порядок слов в немецком языке не является вполне однозначным средством выражения коммуникативной нагрузки⁸. Поэтому часто используются дополнительные средства, о которых говорилось выше. Хотя в немецком языке имеется тенденция расположения подлежащего, обозначающего новое, в конце предложения, на практике же из-за фиксированного места второй части сказуемого, как в чувашском предложении с прогрессивным словорасположением, оно часто оказывается на предпоследнем месте, ср.: Diesen Roman hat Anna Seghers geschrieben. Кு романа Анна Зегерс çырнă. Этот роман написала Анна Зегерс.

⁶ Jespersen O. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig, 1926.

⁷ Андреев И. А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвëсем. I пайĕ. Шупашкар, Чăвашиздат, 1973.

⁸ Die Deutsche Sprache. Указ. соч.

В эмоционально окрашенной речи во всех трех языках встречается эмфатический порядок слов с подлежащим-новым на первом месте повествовательного предложения, ср.: *Niemand wußte es. Никак та пёлмен ёна. Никто не знал это.* В этих предложениях с регressiveным словорасположением порядок слов не является однозначным средством выражения нового, с ним взаимодействует интонационное средство — логическое ударение.

Сказуемое-новое подчеркивается иногда постановкой его неспрягаемой части перед спрягаемой, ср.: *Von ihm Kümmer sprechen wollte sie nicht. Вал хайён хуйхи չинчен кала-չасшан пулмарё. Говорить о своем горе она не хотела.* В чuvашском языке сказуемое-новое в отрицательной форме занимает последнее место в предложении, в русском языке спрягаемая часть сказуемого-нового ставится в конце предложения.

В русском языке порядок слов в предложении свободный⁹, поэтому коммуникативная нагрузка¹⁰ главных членов предложения легко может быть выражена при помощи их местоположения, ср.: *Пришел поезд. Ein Zug kam an. Пёр поезд килчё. Поезд пришел. Der Zug kam an. Поезд килчё.* Приведенные примеры показывают, что в немецком и чuvашском языках из-за ограниченности синтаксических средств используются дополнительные средства выражения коммуникативной нагрузки: неопределенный artikel «ein» и логическое ударение (в немецком языке); неопределенное местоимение «пёр» и логическое ударение (в чuvашском языке).

В чuvашском языке порядок слов в предложении более свободен, чем в немецком языке, и менее свободен, чем в русском. В отличие от немецкого языка, для выражения коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого он играет здесь большую роль, в особенности при отсутствии лексических средств¹⁰. При прогressiveном словорасположении подлежащее-новое находится перед сказуемым-данным, как правило, на предпоследнем месте в предложении, ср.: *Ялта манан пичче пурянать. Auf dem Lande lebt mein Bruder. В деревне живет мой брат.* При регressiveном словорасположении подлежащее-новое стоит в начале предложения, ср.: *Манан пичче каяшшан пёrtle хулана. In die Stadt will mein Bruder mitfahren. Вместе со мной хочет ехать в город мой брат.* Иногда при прогressiveном словорасположении сказуе-

⁹ Ковтунова И. И. Порядок слов в современном русском литературном языке и формирование норм словорасположения в XVII—первой половине XIX в. М., Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук, 1971.

¹⁰ Андреев И. А. Чăваш синтаксисен ыйтăвëсем. I пайё. Шупашкар, Чăвашиздат, 1973.

мое-новое занимает последнее место в предложении. (Оно употребляется при этом в отрицательной форме), ср.: *Ва́л санна калағасшан мар. Sprechen will er nicht mit dir.* Он с тобой не хочет говорить. При регressiveном словорасположении сказуемое-новое находится в начале предложения, ср.: *Каятāн* эпē унга пёрле Мускава. *Fahren werde ich zusammen mit ihm nach Moskau.* Я вместе с ним в Москву поеду.

Другим синтаксическим средством выражения коммуникативной нагрузки в немецком и русском языках являются залоговые обороты. Оно выступает часто в сочетании с другими средствами (порядком слов, интонацией, артиклем — в немецком языке).

В чувашском языке нет страдательного залога. Поэтому залоговые обороты не используются как средство выражения коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого предложения, ср.: *Meine Arbeit wurde vom Dozenten P. geprüft.* Манан ёсё доцент П. тёреслерё. Моя работа проверена доцентом П. В этих предложениях подлежащим (логическим) новым являются «*vom Dozenten P.*», «доцент П.», «доцентом П.». Немецкому и русскому глаголу—сказуемому в страдательном залоге соответствует глагол в действительном залоге в чувашском языке.

Выделение сказуемого-нового залоговым оборотом возможно при отсутствии в предложении члена, обозначающего действующее лицо, ср.: *Viele in der DDR erzeugte Eisenbahnwagen werden exportiert.* ГДР-та тунă нумай чугун çул вагонёсене çёршыв тулашне турттарса каяççё. Много вагонов, изготовленных в ГДР, экспортируется. Коммуникативную нагрузку в этих предложениях несут глаголы-сказуемые «*werden exportiert*», «турттарса каяççё», «экспортируется». В устной речи дополнительным средством выражения коммуникативной нагрузки является логическое ударение.

Диапазон использования лексических средств (модально-усилительных слов) выражения коммуникативной нагрузки главных членов простого повествовательного предложения в сопоставляемых языках не одинаков. В чувашском языке они встречаются в этой функции чаще¹¹, чем в немецком и русском языках. Рассмотрим примеры: *Sogar der Lehrer wußte es nicht.* Ана учитель те пёлмен. Даже учитель не знал об этом. В этих предложениях слова «*sogar*», «те», «даже» подчеркивают эмфатическое подлежащее-новое, выделяемое в устной речи также логическим ударением. (Данным считается при этом представление, что учитель должен об этом знать). *Das mußte er doch wissen.* Кана ва́л ёнтё пёлмеллे

¹¹ Андреев И. А. Чăваш синтаксисен ыйтăвëсем. I пайë. Шупашкар, Чăвашиздат, 1973.

пулнä. Это он должен же был знать. Сказуемое-новое здесь подчеркивается употреблением слов «doch», «ёнтё», «же» (Было известно, что он знает мало — данное. Предмет речи был совсем незначительным, он должен был это знать. Однако он этого также не знал — новое)¹².

Действенным средством выражения коммуникативной нагрузки подлежащего и сказуемого, выраженного существительным, является в немецком языке морфологическое средство — артикль. Он в значительной степени возмещает ограниченность порядка слов как средства выражения данного и нового. В большинстве случаев подлежащее-существительное с определенным артиклем представляет данное или относится к составу данного, ср.: *Der Professor ist nach Moskau gefahren.* Профессор Мускава юайрё. Профессор уехал в Москву. Подлежащее-существительное с неопределенным артиклем представляет новое, ср.: *Es kam ein junger Mann.* Пёр չамräк չын килчё. Пришел молодой человек.

Как известно, в чувашском и русском языках артиклия нет. Поэтому для выражения коммуникативной нагрузки при переводе с немецкого языка на эти языки используются в основном порядок слов (в письменной речи), порядок слов и логическое ударение (в устной речи). В чувашском языке вместо определенного артикла иногда употребляется местоимение «ку», вместо неопределенного (нулевого) артикла — слово «пёр», ср.: *Ein alter Mann holte ihn ein.* Ана пёр ватă չын хуса չитрё. Его догнал старик. Подлежащее-новое в немецком предложении выделено неопределенным артиклем «еiп». В русском предложении оно стоит в конце предложения, выделяется логическим ударением. В чувашском предложении подлежащее-новое занимает место перед сказуемым, в устной речи оно также выделяется логическим ударением.

Предикатив, выраженный существительным с неопределенным (нулевым) артиклем, представляет новое. В устной речи он выделяется логическим ударением. В чувашском и русском языках ему также соответствует именное сказуемое-новое, ср.: *Die Kunst ist eine Tochter der Freiheit* (Schiller). Искусствă вайл юрëклëхён ачи. Искусство — дитя свободы.

На основе вышеизложенного представляется возможным сделать следующие обобщения:

1. Главные члены простого повествовательного предложения — подлежащее и сказуемое — в немецком, чувашском и русском языках несут, кроме своего вещественного значения, еще коммуникативную нагрузку в виде «данного» и «ново-

¹² Крушельницкая К. Г. Указ. соч.

го». Коммуникативная нагрузка выражается интонационными, синтаксическими, лексическими или морфологическими средствами.

2. Определение коммуникативной нагрузки членов предложения при изучении немецкого языка необходимо: а) для точной передачи коммуникативной интенции при переводе, б) для правильного оформления предложения при передаче собственной мысли.

3. Установление сходства и различия в выражении коммуникативной нагрузки позволяет использовать языковой опыт учащихся при изучении немецкого языка, предупредить интерферирующее влияние чувашского и русского языков.

В. И. ИВАНОВ (Чебоксары)

О РАЗМЕРАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АБЗАЦА И ОБ ИХ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

(На материале немецкого и чувашского языков)

Мысль о соотношении размеров языковых единиц на разных уровнях принадлежит Г. Аренсу. Проанализировав соотношение между длиной предложения, исчисляемой в словах, и длиной слова, исчисляемой в слогах, он пришел к выводу, что с увеличением размера предложения увеличивается и размер слова¹. Такие количественные соответствия языка Г. Аренса называет его «скрытой упорядоченностью». Гипотезу Г. Аренса о прямой пропорциональности размеров языковых единиц на разных ярусах рассмотрим здесь применительно к размерам предложения и абзаца на материале новелл Томаса Манна, Генриха Манна и Вольфганга Борхерта². Для исследования привлекались также рассказы известного чувашского писателя Федора Уяра, так как сопоставление количественной стороны разных языков является эффективным методом их изучения³. Прежде чем сопоставить разме-

¹ H. Arens. Verborgene Ordnung. Die Beziehungen zwischen Satzlänge und Wortlänge in deutscher Erzählpoesie vom Barock bis heute. Düsseldorf 1965, S. 5—9.

² Анализу подверглись следующие новеллы: «Тристан», «Тонио Крепер», «Смятение и раннее горе», «Марио и волшебник» (Т. Манн); «Фульвия», «Бранцилла», «Возвращение из Хадеса», «Честолюбивая», «Сцена» (Г. Манн); «Одуванчик», «Кегельбан», «Кошка замерзла в снегу», «Соловей поет», «Вечером вороны летят домой», «Ведь ночью крысы спят». «Хлеб», «Профессора тоже ничего не знают», «Эльба», «Кухонные часы» (В. Борхерт). Все новеллы рассматривались нами полностью.

³ В данной статье мы ограничимся рассмотрением размеров предложения и абзаца в трех чувашских рассказах: «Одно слово», «Кузьма», «Драка в кабаке».

ры синтаксических единиц разных уровней, надо подробно изучать их в отдельности. Поэтому в статье много места отводится анализу количественной структуры предложения и абзаца, хотя конечной целью является выявление степени их взаимодействия.

Мы установили у рассматриваемых немецких писателей следующие средние размеры цельного (ЦП) и элементарного предложения (ЭП)⁴: Т. Манн (ЦП—20,19 слова; ЭП—9,04 слова), Г. Манн (ЦП—11,18 слова; ЭП—6,42 слова), В. Борхерт (ЦП—10,4 слова; ЭП—6,54 слова). Первое, что бросается в глаза при сопоставлении количественных данных, является резкая разница между размерами предложений у Т. Манна и у остальных авторов. Новеллистика Т. Манна обладает максимальными размерами ЦП, минимальными—произведения В. Борхерта. Расхождения в размерах ЦП в новеллах Г. Манна и В. Борхерта весьма невелики. В этом отношении они почти тождественны: разрыв между объемами ЦП меньше одного слова. Как видим, в плане размера предложения стиль Т. Манна полярно противостоит стилю Г. Манна и В. Борхерта. Интервал между размерами ЦП в новеллах Т. Манна и Г. Манна составляет 9,01 слова. Иными словами, ЦП Г. Манна чуть ли не в два раза короче аналогичных предложений Т. Манна.

Количественную структуру предложения необходимо рассматривать в тесной связи с целым рядом других грамматических явлений. Это—задача большой сложности. Мы имеем возможность остановиться здесь лишь на одном моменте.

Речь идет о насыщенности исследуемых произведений существительными. Удельный вес существительных более велик у Т. Манна, ориентирующегося на развернутое элементарное предложение. В словарном составе его новеллистики доля существительных составляет 21%. Новеллам Г. Манна и В. Борхерта присуща несколько меньшая насыщенность лексического состава именами существительными (18%). Другими словами, в новеллах Т. Манна на 4,84 слова приходится одно существительное, а у Г. Манна и В. Борхерта—на 5,52 слова. Таким образом, решительное преобладание больших размеров предложений у Т. Манна сочетается с более высокой субстантивностью его предложений. Коэффициент субстантивности, который исчисляется путем деления общего числа существительных на общее число слов, в новеллах Т. Манна равен 0,21, а в новеллах Г. Манна и В. Борхерта—0,18. Все же было бы рискованно утверждать, что насыщенность произведения существительными прямо пропор-

⁴ О понятиях «цельного и элементарного предложения» см.: В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, с. 18—19.

циональна развернутости ЭП в нем. Хотя зачастую именно такое соотношение имеет место.

Рассказ В. Борхерта «Эльба», например, выделяется среди других его рассказов наиболее длинными ЭП (8,77). Соответственно удельный вес существительных повышается в нем до 0,25. Это — рекордный коэффициент субстантивности для всех девятнадцати анализируемых произведений. Вероятно, это связано с тем, что при описании реки Эльбы писатель изображает буквально все предметы и явления, окружающие ее, подробно перечисляет географические названия. Совершенно иначе обстоит дело с удельным весом существительных в новелле «Кухонные часы». В ней наблюдается низкий коэффициент (0,09). Все внимание автора сконцентрировано вокруг единственного предмета, который остался от дома, разрушенного бомбой. Это кухонные часы, чудом уцелевшие в разрушенном доме. В этой новелле описываются не столько внешние обстоятельства, сколько переживания и мысли персонажа. А это способствует тому, что доля существительных в словарном составе здесь ничтожно мала. Следовательно, в художественной прозе особое значение для насыщенности текста существительными, помимо общей стилевой установки писателя, имеют тематическая направленность и конкретное стилистическое задание данного произведения. Поэтому у одного и того же автора данные оказываются весьма различными.

Длина предложения является одним из основных признаков индивидуальной манеры повествования. Одни предпочитают обширные предложения (Т. Манн), другие пишут короткими предложениями (Г. Манн, В. Борхерт). У одного и того же писателя размер предложения может колебаться в зависимости от тематико-стилистической установки в том или ином произведении.

Особняком стоит, например в отношении средней длины предложения, среди произведений Г. Манна новелла «Честолюбивая», в которой авторским рассуждениям отведено гораздо больше места, чем в других новеллах. 87% от всего словарного состава новеллы приходится на авторскую речь и только 13% на речь персонажей, что способствует удлинению предложения. Средний размер цельного предложения в этой новелле, характеризующейся меньшей «диалогизацией», равен 15,33 слова, в то время как в «Фульвии» он составил 11,44 слова, в «Бранцилле» — 8,9, в «Возвращении из Хадеса» — 11,3 и в «Сцене» — 8,92. Новелла «Бранцилла» не случайно обладает наименьшим размером предложения. Без риска впасть в преувеличение о ней можно сказать, что по своему построению она больше напоминает драму, чем новеллу. Все произведение строится на диалоге главной геро-

ини новеллы певицы Бранциллы с другими многочисленными персонажами. Диалогичность, естественно, приводит к уменьшению длины предложения. Новелла «Сцена» не столь диалогична, как новелла «Бранцилла», тем не менее, общая картина в ней аналогична той, какая наблюдается в «Бранцилле». В описаниях душевного состояния Виктора, его волнений и беспокойств за судьбу своей бывшей невесты Г. Манн сознательно обращается к краткому предложению. Вот один маленький абзац из этого описания:

«Vorhang. Gottlob sie lebte! Er zitterte noch immer».

Абзац открывается предельно сжатым, однословным предложением. Это номинативное предложение, представляющее собой верхнюю границу абзаца, заставляет нас вернуться к предыдущему абзацу. В нем речь идет о переживаниях Виктора, которого охватил ужас при мысли о том, что Леа может покончить жизнь самоубийством. Он трепетно ждет, когда откроется занавес. Следующая за этим абзацем пауза лишь увеличивает время ожидания и тем самым усиливает чувство страха. Пауза наполнена конкретным содержанием. Читатель ждет, читатель переживает вместе с персонажем новеллы⁵. Зачин абзаца заставляет читателя «прет-роспективно пережить содержание паузы»⁶. Начальное предложение абзаца формулирует его тему, минимальный объем его отражает переживание, которое достигло кульминации. Срединному предложению, оформленному как восклицательное, также присуща эмоциональность. Оно выражает радость Виктора при виде Леи, живой и невредимой. Концовка абзаца обозначает определенную разрядку, которая берет начало в предшествующем предложении. Виктор постепенно успокаивается. Эмоциональная окраска абзаца приобретает повышенную интенсивность в начале его. По мере продвижения к концу абзаца сила экспрессии ослабевает. Симптоматично, что спаду напряженности сопутствует изменение в размере предложения. Чем слабее напряжение, тем больше предложение. Размер предложений медленно, но непрерывно нарастает. Если попытаться свести наши наблюдения к цифровому изображению, в котором будет отражено следование предложений друг за другом, то оно будет выглядеть следующим образом: 1 + 3 + 4. Зависимость между размером предложения и характером текста выступает здесь достаточно явственно.

⁵ Мы полностью разделяем мнение проф. Т. И. Сильман о том, что «кроме разделительного смысла, пауза между абзацами может нести и любую смысловую и эмоциональную нагрузку». (Сильман Т. И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967, с. 111).

⁶ Там же.

Близки друг к другу показатели двух исторических новелл «Фульвия» и «Возвращение из Хадеса» (11,44 и 11,3 слова). С точки зрения удельного веса речи персонажей в новеллах первая состоит чуть ли не из сплошной прямой речи (92,7%). Другая новелла характеризуется более скромным удельным весом речи персонажей (65%). Тем не менее они почти тождественны в отношении среднего размера ЦП. Логично было бы предположение, что коль скоро в произведении господствует речь персонажей, предложения в нем должны быть менее обширными. В большинстве случаев это так и бывает. И все же варьированию размера предложения в том или ином произведении невозможно дать однозначное объяснение. Например, даже решительное преобладание в новелле «Фульвия» речи персонажей не повлекло за собой заметного сокращения средней длины предложения. Все дело в том, в какую форму воплощена речь персонажей: в форму диалогическую или форму монологическую. В названной новелле доминирует монолог. Там, где преобладает разговорная речь в форме вопросно-ответного единства, размер предложения небольшой. Если же она облечена в форму пространных монологических высказываний, то размер предложения увеличивается.

Важно учитывать влияние и другого фактора, а именно тематического наполнения речи. Так, у Т. Манна наибольший объем ЦП в речи персонажей характерен для новеллы «Тонио Крегер» — 12,8 слова, а наименьший — для новеллы «Смятение и раннее горе» — 7,43. Размах колебаний составляет 5,37 слова. Такая огромная амплитуда колебаний объясняется, во-первых, наличием в первом произведении длинных высказываний героев, во-вторых, тем, что в этой новелле мы имеем дело с монологами-дискуссиями на философские темы, которые ведут писатель Тонио Крегер и русская художница Лизавета Ивановна. В новеле «Смятение и раннее горе» разговор ведется преимущественно на бытовые темы.

Необходимо учитывать также жанровые особенности. Это хорошо видно, если сравнивать средние размеры предложения, которые установил Г. Аренс⁷, анализируя романы Т. Манна («Будденброки» — 20,89; «Волшебная гора» — 27,19; I том из цикла «Иосиф и его братья» — 37,94; «Доктор Фаустус» — 35,95), с аналогичными данными по его новеллам («Тристан» — 16,59; «Тонио Крегер» — 19,17; «Смятение и раннее горе» — 22,83; «Марио и волшебник» — 22,27). Как показывает сопоставление, размеры предложений в романах, за исключением лишь «Будденброков», значительно превосходят размеры предложений в новеллах. Причина этого кро-

⁷ Агепс Н. Указ. соч., с. 21.

ется, на наш взгляд, в том, что новеллам, в отличие от романов, как правило, присуще более конкретное содержание. В новеллах на передний план выдвигается одна основная проблема (тема современного искусства и современного художника в их трагическом отрыве от реальной жизни в «Тристане» и «Тонио Крекер», освещение немецкой действительности 20-х годов в «Смятении и раннем горе», непосредственное изображение атмосферы современности в первом антифашистском произведении Т. Манна «Марио и волшебник»), а действие сосредоточивается в основном на ограниченном участке времени: например, в «Смятении и раннем горе» действие разыгрывается в течение одного вечера, в «Марио и волшебнике» — в течение одного сеанса гипноза⁸. В романах же, где создается более широкая картина действительности и охватывается значительно больший отрезок времени, проблематика намного сложнее, что отражается и в построении произведения. Вспомним здесь вывод Г. А. Лесского о том, что «чем конкретнее содержание, тем короче средний размер предложения»⁹.

Что касается размера абзаца в анализируемых новеллах, то он не является стабильным: у Т. Манна — 91,48 слова; у Г. Манна — 47,46; у В. Борхерта — 45,62. Обращает на себя внимание огромный размер абзаца в новеллистике Т. Манна. Он почти в два раза превышает размер абзаца в новеллах Г. Манна и В. Борхерта. Размеры абзаца у Г. Манна и В. Борхерта находятся примерно на одинаковом уровне, разрыв между ними практически сводится к минимуму. Замечательно, что картина размеров абзаца (91,48; 47,46; 45,62) в целом аналогична той, которую мы наблюдали у размеров предложения (20,19; 11,18; 10,4). Довольно отчетливо намечается определенная тенденция к увеличению размера предложения с увеличением размера абзаца и наоборот, т. е. вырисовывается прямая пропорциональность между ними. Однако было бы неверным заключение, что во всех случаях существует прямо пропорциональная зависимость между длиной абзаца и длиной предложения. Такое соотношение размеров действует не как закон, а как тенденция, где возможны те или иные отклонения.

Наиболее ярко упомянутое соотношение проявляется в новеллах Т. Манна «Тристан» (52,66 и 16,59), «Тонио Крекер» (79,28 и 19,17), «Смятение и раннее горе» (110 и 22,83), «Марио и волшебник» (124 и 22,17). Незначительное отклонение от этой тенденции обнаруживает новелла «Марио и

⁸ Подробнее об этом см.: Адмони В., Сильман Т. Томас Манн. Очерк творчества. Л., 1960, с. 91—101 и 187—195.

⁹ Лесский Г. А. О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX века. — ВЯ, 1963, № 2, с. 91.

волшебник», в которой по сравнению с предыдущей новеллой длина предложения сокращается на 0,66 слова. Композиция новеллы такова, что в ней преобладают абзацы, состоящие из сплошной авторской речи (65), между тем как абзацы из сплошной прямой речи встречаются лишь дважды. Это, как правило, ведет к увеличению размера абзаца. В то же время повышенная эмоциональность, что связано с особой проблематикой новеллы¹⁰, ведет к некоторому уменьшению длины предложения. В остальных новеллах чем больше абзац, тем длиннее в нем предложение.

Небезынтересно отметить, что новеллы «Тристан» и «Тонио Крегер», написанные автором в 1902 и 1903 гг., характеризуются сравнительно меньшими размерами предложения и абзаца, чем новеллы «Смятение и раннее горе», «Марко и волшебник», которые появились значительно позднее, в 1926 и 1930 гг. Если в первых двух новеллах общий средний размер предложения равен 17,88 слова, то в двух последних он заметно растет и составляет 22,5 слова. Точно так же обстоит дело с размерами абзаца. Ранние новеллы обладают меньшими абзацами (в среднем 65,97 слова), а более поздние — большими (в среднем 117 слов).

Тенденцию к взаимозависимости размеров предложения и абзаца можно наблюдать и в новеллах Г. Манна. Например, новелла «Честолюбивая», обладающая наибольшим размером абзаца (83,84 слова), характеризуется и наибольшим объемом предложения (15,33). Абзацы из сплошного авторского повествования в этой новелле также отличаются максимальными величинами (127,15 и 18,19). Или же меньшему объему абзаца из сплошной прямой речи в «Сцене» (9,5 слова) соответствует минимальный размер предложения (6,33 слова).

Если прямая пропорциональность между размерами предложения и абзаца присуща новеллам Т. Манна в большей и новеллам Г. Манна в меньшей степени, то, на первый взгляд, может показаться, что у В. Борхерта она вовсе отсутствует. Но, как было показано выше, при сравнении данных трех авторов показатели в новеллистике В. Борхерта не нарушают общую тенденцию соответствия размеров абзаца и предложения. Это позволяет думать, что соотношение размеров предложения и абзаца в рассказах В. Борхерта имеется, как бы в потенции. Об этом свидетельствует и следующий факт.

Разделим новеллы на две равные группы. В первую группу включаем новеллы с более обширными предложениями («Одуванчик» — 18,34; «Профессора тоже ничего не знают» — 13,95; «Эльба» — 13,22; «Вечером вороны летят до-

¹⁰ См.: Адмони В. и Сильман Т. Указ. соч., с. 192—195

мой» — 10,51; «Соловей поет» — 9,17), а во вторую — с менее обширными предложениями («Кухонные часы» — 8,49; «Кегельбан» — 7,87; «Ведь ночью крысы спят» — 7,78; «Хлеб» — 7,7; «Кошка замерзла в снегу» — 6,97). Среднему размеру предложения в первой группе, равному 13,04 слова, соответствует средний размер абзаца в 56,81 слова, между тем как во второй группе оба показателя значительно ниже (7,76 и 37,22 соответственно). Как видим, с уменьшением размера предложения уменьшается и размер абзаца.

Положение не меняется, если группы образовать в зависимости от размеров абзаца. Для группы, охватывающей новеллы с более пространными абзацами («Одуванчик», «Кошка замерзла в снегу», «Соловей поет», «Эльба», «Кухонные часы»), характерны более развернутые предложения (68,39 и 11,24 соответственно). Обратное явление наблюдается в другой группе: меньшей длине абзаца (25,66) сопутствует меньший размер предложения (9,56).

Таким образом, на вопрос о существовании в анализируемых новеллах определенных соотношений между размерами предложения и абзаца в принципе мы должны ответить положительно. Как показало исследование, размеры этих синтаксических единиц могут находиться в прямо пропорциональной зависимости. Анализ этого явления убеждает нас и в том, что всестороннее изучение его предполагает обязательный учет всего многообразия факторов.

Среди чувашских рассказов минимальные величины предложения и абзаца имеет рассказ «Одно слово» (5,63 и 11,7), в котором речи персонажей отводится сравнительно много места. 35,2% от общего числа слов приходится на долю прямой речи, выступающей исключительно в форме вопросно-ответного единства. В следующем произведении, в рассказе «Кузьма», размеры повышаются до 9,17 и 26,29 слова. В описании героических будней партизан гражданской войны и ее маленького героя, пастушонка Кузьмы, главная роль принадлежит авторскому повествованию (94,3%). Благодаря этому длина предложения значительно возрастает. Заметно удлиняется и абзац. Все же он продолжает оставаться небольшим. События на войне развиваются бурно. Автор изображает непрерывную смену событий, мест действий. При этом он расчленяет текст на мелкие абзацы, ибо большой размер абзаца обычно замедляет темп повествования, а «новый абзац» — это новый «приступ», новый «темп»¹¹. В третьем рассказе «Драка в кабаке» распространены монологические высказы-

¹¹ Гриценко И. М. Композиционно-стилистические функции абзаца в репортажах Э. Э. Киша. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1966, с. 95.

вания персонажей, которые выносятся в отдельные абзацы. Напомним композицию новеллы.

Дело происходит в 1841 г. в одном из кабаков г. Козьмодемьянска. Двое оживленно спорят о судьбе чувашского народа. Один из них ко всему относится крайне пессимистически. Он отрицает наличие у чувашей своей истории, своего искусства, сомневается в целесообразности учить чувашских детей родному языку. Его молодой собеседник (Спиридон Михайлов, первый чувашский этнограф, историк, писатель и просветитель) горячо доказывает, что у чувашей есть свое самобытное искусство, что они ни в чем не уступают другим народам. Он мечтает об обучении чувашских детей на родном языке и вместе с тем в целях приобщения чувашского народа к передовой демократической русской культуре — на русском.

Весь этот спор происходит либо в форме монолога, либо в форме диалога. Чаще он принимает все-таки монологический характер. Размер этих абзацев — монологов более велик. Пространные абзацы посвящены также описанию кабака, его хозяина и двух посетителей. Это абзацы, содержащие такие сведения, которые только как бы предваряют основное действие. В конечном счете все это содействует увеличению размера абзаца, и он поднимается до 32,79 слова. Одновременно большая доля речи персонажей, занимающей чуть ли не половину всего текста (44,4%), «сдерживает» рост длины предложения, и он несколько меньше (8,46), чем в предшествующем рассказе. В первой новелле монологические высказывания полностью отсутствуют. Разговорная речь существует в форме исходных и ответных реплик, т. е. в форме диалогического единства. Средний размер цельного предложения в речи персонажей составляет здесь лишь 3,5 слова. В противоположность «Одному слову» в рассказе «Драка в кабаке» объем предложения в речи персонажей значительно выше (6,73). Размах колебаний составляет 3,23 слова. Наличествующие колебания в объеме предложений внутри даже одного подъязыка¹² говорят о том, что при трактовке проблемы размера требуется всесторонний подход. Форма речевой деятельности, смысловое и тематическое наполнение речи, эмоциональная насыщенность, особенности стилистической установки говорящего и т. д. регулируют объем предложений.

Что касается насыщенности текстов именами существительными, то, несмотря на малую объемность элементарных предложений, коэффициент субстантивности в них достаточ-

¹² Термин Н. Д. Андреева и Л. Р. Зиндер. См.: Андреев Н. Д. и Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка. — ВЯ, 1963, № 3, с. 17.

но высок (0,21). При раздельном рассмотрении их довольно явственно намечается определенная зависимость удельного веса существительных в словарном составе текстов от лексического размера элементарного предложения: 4,79—0,19 («Одно слово»); 7,42—0,24 («Кузьма»); 7,04—0,2 («Драка в кабаке»), т. е. чем обширнее элементарное предложение, тем выше коэффициенты субстантивности.

Если сопоставить конечные результаты в произведениях Ф. Уяра (размер абзаца — 23,59 слова; размер цельного предложения — 7,75 слова) с вышеприведенными данными из немецких новелл, то окажется, что оба показателя по чувашской новеллистике значительно ниже. Как в ряду размеров абзаца, так и в ряду размеров предложения они занимают последнее место. Разумеется, для более надежных выводов по чувашской новеллистике требуется больший статистический материал. Думается также, что при сопоставлении количественных данных в неродственных языках важно учитывать и влияние существующих в них традиций.

Сопоставительная лингвостатистика имеет большое теоретическое и практическое значение. Она способствует более глубокому изучению сложной языковой действительности, выявлению в ней скрытых, невидимых невооруженным глазом явлений. Материалы количественного анализа немецкого и чувашского языков могут быть использованы в практике преподавания этих языков в средней и высшей школе (например, на уроках аналитического чтения и перевода, а также на лекционных и семинарских занятиях по грамматике и стилистике).

А. Е. КАРПОВИЧ (Ленинград)

КОМБИНИРОВАННЫЙ МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

(Из опыта сопоставительного анализа материала
английских и русских толковых словарей)

Метод комбинирования разных способов (синонимического, антонимического, описательного) при составлении словарной дефиниции (в дальнейшем — СД) для значений во-
кубатулы применяется на материале практически любого индо-европейского языка, о чем свидетельствует литература во-

проса¹. В английской и русской лексикографической традиции этот метод также существует.

Сочетание разных способов в одной и той же СД не получило общепринятого термина в научной литературе. Существуют выражения: «комбинированный способ смысловой характеристики слова», «сочетание разных приемов объяснения», «комбинированный метод». Думается, что последнее из перечисленных выражений имеет право на преимущественное употребление, как соответствующее сущности рассматриваемого явления. В настоящей работе будет употребляться термин «комбинированный метод» или выражение «метод комбинирования способов словарных дефиниций» как выражения синонимичные. Речь здесь идет не о принципиально новом способе определения словарного значения, а о методе, позволяющем комбинировать возможные способы².

На сравнительно узком материале имен прилагательных удается проследить, как используется комбинированный метод для определения вокабул любого морфологического типа в толковых словарях английского языка: первичных, производных, сложных и сложно-производных (*egest, trustful, off-hand, empty-headed*)³. В словарях русского языка комбинированным методом определяются производные и сложно-производные прилагательные (отличный, толстокожий). Меньшее число морфологических типов прилагательных, представленных в русских словарях, объясняется, конечно, не различием в лексикографической традиции, а чисто языковыми, словообразовательными особенностями.

Метод комбинирования применяется в словарях обоих языков как по отношению к стилистически нейтральной лексике, так и по отношению к словам, принадлежащим одному из функциональных стилей. Сравн.: *simple* «замечательный»,

¹ Соколова В. М. Способы смысловой характеристики слова. — В кн.: Вопросы герм. филологии. Волгоград, Волгоградск. педин., 1975, с. 38, 51; Чмыхова Н. М. Принципы построения словарника и смысловая характеристика слов в словаре русского языка. — «Уч. зап. Балашовского педин.», 1958, т. 4, с. 110; Пономарева О. П. Лексикографическая деятельность Иоахима Генриха Кампе и ее значение в истории немецкого языка. М., МГУ, 1955, с. 184; Кузнецова Е. И. Э. Литтре как лексикограф. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1954, с. 159; Стенгревиц М. М. Принципы толкования значений слов в словарях латышского литературного языка. — В кн.: Пробл. толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, с. 50.

² Подробнее о способах определения словарного значения см.: Карапович А. Е. Способы построения словарных дефиниций. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1971.

³ В статье используются следующие толковые словари английского и русского языков: *Hoginby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary*, 1966; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970; Словарь русского языка. М., АН СССР, 1961.

но *forlorn* «толстокожий» с соответствующими стилевыми пометами.

Если продолжить характеристику уже по линии семантической структуры слова, то можно отметить, что метод комбинирования применяется в сфере разнообразных коннотационных значений.

Беглые наблюдения, приведенные выше, указывают не только на многоплановый (в планах морфологической, стилевой и семантической характеристики) охват вокабул, но и на широту использования метода комбинирования способов в пределах каждого из этих планов. При сравнении материала словарей английского и русского языков существенных особенностей национальной лексикографической традиции не обнаруживается.

В литературе нами не только не найдена какая-либо классификация возможных комбинаций по типам, но даже не обнаружено ни одной попытки поставить самую проблему на обсуждение. Замечания авторов обычно носят эпизодический характер. При этом одни исследователи указывают на возможность использования только одной типовой комбинации, сочетания описательного определения с синонимом. Другие отмечают, что наряду с описанием значения можно в качестве дополнительного средства употреблять антонимы. В настоящей статье мы стремимся на материале английских и русских прилагательных выделить типовые комбинации, оценить с лингвистической точки зрения эффективность каждой из них и расположить эти типы в определенной системе по отношению друг к другу. В основу выделения типовых комбинаций был положен критерий изучения сложной структуры СД. Нами выделено четыре типа, каждый из которых будет последовательно рассмотрен ниже.

Тип. 1: Тр. оп. сп. + С. сп.⁴.

talented having talent; gifted.

imbecile of weak mind, foolish.

gaunt thin, looking ill or deathlike.

очаровательный. Способный очаровывать, прелестный, восхитительный.

В английских словарях, как показывают примеры, компоненты типовой структуры могут меняться местами. Иначе говоря, возможно, хоть и не часто встречается, сочетание «С. сп. + Т. — оп. сп.». В словарях русского языка подобная перестановка членов — это скорее исключение из правила. Компонент «С. сп.» имеет свои особенности. Помимо одного синонима, в типе 1 могут употребляться два и более синони-

⁴ Тр. оп. сп. С. сп., Ант. сп. — Трансформационно-описательный, синонимический и антонимический способы.

мов (см. СД для вокабулы «очаровательный»). Можно предположить, что такой подбор синонимов, существующий и в английских словарях, особенно характерен для русской лексикографической традиции. Встречаются случаи (как в английских, так и в русских словарях) использования в СД синонимо-описательного определения: например, *превосходный* толкуется через «отличный, очень хороший» или *outrageous* толкуется через *very bad, causing great anger*.

В структурном плане, таким образом, тип 1 отнюдь не является застывшей комбинацией, а, напротив, отличается известной гибкостью, что создает благоприятные предпосылки для широкого его применения в словарях. Нежесткие рамки типовых комбинаций дают представление о творческой и в то же время дисциплинированной работе составителя, подтверждая тем самым факт принадлежности лексикографии к технике составления словарей, а к лингвистической науке.

В плане раскрытия словарного значения тип 1 оказывается весьма эффективной комбинацией по ряду причин. Трансформационно-описательный способ построения СД, функционирующий как один из компонентов этого типа, является наиболее распространенным из всех способов СД. Его эффективность еще более усиливается за счет приведения синонимов (или синонима). СД такого рода отличаются многогранностью, в особенности в тех случаях, где используется несколько синонимов. В подобных примерах идет характеристика одновременно по нескольким смысловым линиям, что приводит составителя к яльному раскрытию словарных значений. Высокая эффективность типа 1 объясняет его широкое использование в словарях обоих языков.

Тип. 2: С. сп.+Ант. сп.

banal commonplace; uninteresting.

gentle kind, not rough.

smooth polished, not rough.

Рассматриваемая комбинация, мало характерная для словарей русского языка, обычно выпадает из поля зрения исследователей. В ее рамках также возможна структурная перестановка членов. Поскольку антоним с отрицанием функционально приближается к синониму, при порядке следования компонентов «С. сп.+Ант. сп.» употребление антонима с отрицанием усиливает ту первоначальную семантическую характеристику, которая уже достигнута при помощи синонима. Та же усилительная функция приходится и на синоним, если он следует за антонимом. В любом случае по принципу нарастания признака основной логический акцент падает на последний член комбинации. Факт реальности синонимо-антонимических отношений в рассматриваемом типе СД может быть проверен по специальным словарям синони-

мов и антонимов. В ряде случаев синонимические связи оказываются в результате такой проверки опосредованными.

Тип 3: Тр.—оп. сп. + Ант. сп.

difficult hard to do; not easy.

lowly not proud, not of high birth.

superficial on the surface only, not deep.

impertinent not polite, not showing proper respect.

толстокожий 2. перен. Не способный почувствовать, воспринять что-л.; неделикатный, неотзычивый (о человеке).

Как и в других комбинациях, в типе 3 наблюдается структурное перемещение членов. Для объяснения сложного смыслового содержания отдельных слов используются одновременно несколько структурных типов описания и несколько антонимов с отрицаниями.

В типе 3 антоним с отрицанием, усиливая СД, помогает составителю, а вслед за ним и учащемуся, «нащупать» словарное значение — в этом и состоит его функция.

Тип 4: Тр.—оп. сп. + С. сп. + Ант. сп.

Тип 4 небогато представлен материалом. Ниже приведем несколько примеров:

ste dy firmly fixed, regular, unchanging.

furious violent; uncontrolled; full of fury.

slight thin, weak, small in amount, unimportant.

красивый 3. Привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный.

Три компонента СД этого типа могут меняться местами. Думается, что порядок следования компонентов в большой мере произволен. Синонимы, употребляющиеся в рамках этого типа, не всегда явны, а антонимы не во всех случаях симметричны.

Возникает вопрос, чем объясняется такое многообразие лексикографических средств, употребляемых в совокупности, есть ли в них действительная необходимость. Думается, что употребление синонима, антонима с отрицанием и синтаксического описания в одной и той же СД принципиально оправдано: очень сложные по характеру словарных значений вocabулы требуют весьма детальной характеристики. Эту характеристику можно осуществить либо путем пространного объяснения, которое лишило бы СД толкового словаря необходимой четкости, либо путем использования разных по характеру средств, дополняющих очень краткое описание. Составители обычно выбирают вторую из указанных возможностей. Тем самым им удается избежать как излишнего лаконизма, так и переопределения. Следовательно, при использовании данного типа выдерживается принцип экономии лексикографических средств. Наблюдения, не предусматри-

вающие применения жестких математических средств, показывают, однако, что в словарях английского и русского языков наиболее распространен, по-видимому, тип 1, а типовая комбинация № 4 встречается редко. Последнее обстоятельство представляется вполне естественным: составители не расходуют всю гамму средств без острой на то необходимости.

От комбинированного метода следует отличить явление диффузии, то есть проникновения элементов одного способа в структуру другого, а не простое соположение разных способов в одной СД. Так, вокабула *tiny* толкуется в английском словаре через *very small*, а в словаре русского языка вокабула «превосходный» определяется через «отличный, очень хороший». В обоих случаях синонимы проникают в структуру описательного СД.

Итак, метод комбинирования — это не особый способ построения СД, а ряд системных сочетаний трансформационно-описательного, синонимического и антонимического способов. Цель применения этого метода состоит в усилении эффективности СД.

Просмотр материала в словарях русского и английского языков убеждает нас в том, что, несмотря на различие в лексикографической традиции, особенности применения комбинированного метода не представляются существенными. Следовательно, можно предположить, что комбинированный метод плодотворен и при составлении иных толковых словарей на базе языков индоевропейского ареала.

И. М. МИТРОФАНОВ (Чебоксары)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАКСИСА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (На материале немецкого и русского языков)

I

В сложном процессе становления гипотаксиса в немецком языке прослеживаются два главных направления: образование системы подчинительных союзов и выработка определенной формы элементарного подчиненного предложения¹.

¹ Из обширной литературы по данному вопросу мы указываем лишь следующее: Behaghe O. Deutsche Syntax. Bd. III. Heidelberg, Winter, 1928; Строева-Сокольская Т. В. Развитие сложноподчиненного предложения в немецком языке. Л., Изд. ЛГУ, 1940.

Результатом этого явилось возникновение в синтаксическом строе немецкого языка сложноподчиненного предложения, противопоставляемого сложносочиненному синтаксической неравноценностью своих компонентов. Наличие подчинительного союза и особая форма придаточного предложения являются основными формальными критериями, отличающими гипотаксис от паратаксиса². Но структура сложноподчиненного предложения с указанными критериями не является в современном немецком языке единственной его формой. В ряде случаев предложение оказывается сложноподчиненным и при отсутствии этих формальных признаков. Это обусловлено, во-первых, возможностью различных отклонений от типичной формы придаточного предложения и, во-вторых, неодинаковой степенью грамматизации подчинительных союзов и продолжением процесса образования новых подчинительных союзов³.

В данной работе излагаются некоторые результаты наблюдения над грамматической формой сложноподчиненного предложения в прозаических произведениях Фридриха Шиллера с целью показать необходимость диахронического подхода и при анализе определенных явлений современного немецкого языка в чисто синхронном плане⁴.

II

В статье мы останавливаемся в основном на сложноподчиненных предложениях с придаточными временем, причинами, со сравнительными, условными, уступительными, с обстоятельственными образами действия. Из большого многообразия синтаксических особенностей в этих предложениях мы выделяем для рассмотрения лишь следующие: 1) раздельное написание частей подчинительного союза в качестве коррелята в главном предложении, 2) повторение подчинительного союза в качестве коррелята в главном, 3) употребление коррелята там, где он в современном языке не употребляется, 4) отделение частей подчинительного союза промежуточны-

² Детальную и всестороннюю характеристику сложноподчиненного предложения см.: Гулыга Е. В. Сложноподчиненное предложение (на материале совр. нем. яз.). Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1962; Е же. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., «Высшая школа», 1971.

³ О возможности выделения в современном немецком языке различных групп подчинительных союзов. См.: Наэр Н. М. Синсемантия и асемантия подчинительных союзов в немецком языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1970.

⁴ Это статьи и письма Ф. Шиллера по эстетике, написанные в 1784—1803 гг. и собранные в книге: Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. Schriften und Briefe zur Ästhetik. Verlag Philipp Reclam Jun. Leipzig, 1959.

ми словами в тех случаях, когда в современном языке употребляется единый союз, в котором его части слились воедино.

Первая особенность представлена сочетанием *solange—so lange*.

(1) Solange zwischen dem sittlich ausgebildeten, vorurteilsfreien Kopf und dem Dichter ein anderer Unterschied stattfindet, als daß letzterer zu den Vorzügen des erstern das Talent der Dichtung noch als Zugabe besitzt, so lange darfste die Dichtkunst ihren veredelnden Einfluß auf das Jahrhundert verfehlen...⁵

Раздельное написание *so lange* (в главном предложении) вызывает в сознании представление о *solange* (в придаточном) как о союзе, не достигшем полной грамматизации, в котором наряду с грамматическим значением ясно ощущается его лексическое значение. У Ф. Шиллера число таких предложений составляет 5% к числу предложений с препозитивным придаточным и без коррелята в главном. В современном языке такие предложения почти не употребляются.

Вторая особенность наблюдается в случаях *solange—solange* и *so—so*:

(2) Solange also dem Chor diese sinnlich mächtige Begleitung fehlt, solange wird er in der Ökonomie des Trauerspiels als ein Aufhending, als ein fremdartiger Körper und als ein Aufenthalt erscheinen, der nur den Gang der Handlung unterbricht, der die Täuschung stört, der den Zuschauer erkaltet⁶.

(3) So gewiß sichtbare Darstellung mächtiger wirkt als toter Buchstab und kalte Erzählung, so gewiß wirkt die Schaubühne tiefer und dauernder als Moral und Gesetze⁷.

Число предложений типа (2) примерно такое же, что и у предложений типа (1). В предложениях (2) коррелят служит для подчеркивания одинаковой продолжительности действий (состояний) в обоих компонентах. Но такое же совпадение действий по времени Ф. Шиллер выражает и без коррелята, лишь употребляя союз в придаточном:

(4) Solange Athen und Sparta ihre Unabhängigkeit behaupteten und Achtung für die Gesetze ihrer Verfassung zur Grundlage diente, war der Geschmack noch unreif, die Kunst noch in ihrer Kindheit, und es fehlte noch viel, daß die Schönheit die Geister beherrschte⁸.

В предложениях типа (3) в обоих компонентах употребляется какое-нибудь слово (или антонимичные слова), по отношению к которому *so* является наречием степени каче-

⁵ Schiller F. Über Kunst und Wirklichkeit. S. 77.

⁶ Schiller F. Ebenda, S. 585.

⁷ Schiller F. Ebenda, S. 45—46

⁸ Schiller F. Ebenda, S. 45—46

ства. Для выражения таких же семантико-синтаксических отношений, что и в предложениях (3), Ф. Шиллер употребляет в большинстве случаев (80%) сложноподчиненные предложения, в придаточной части которых функционирует в качестве союза вопросительно-относительное наречие вместо *so*, Ср.:

(5) Wie sich unser Wesen in zwei Prinzipien oder Naturen teilt — so teilen sich, diesen gemäß, auch unsere Gefühle in zwei erlei ganz verschiedene Geschlechter⁹.

Третья особенность выражается в употреблении *so* в качестве коррелята к придаточным предложениям с союзами *wenn* (с условным и временными значениями), *weil*, *da* (со значением причины), *sobald*, *nachdem*, *obgleich* и некоторыми другими. В современном языке коррелят при этих союзах либо совсем (или почти) не употребляется (*sobald*, *nachdem*, *obgleich*, *da*, *weil*), либо употребляется в гораздо меньшей степени (при *wenn*). У Ф. Шиллера количество сложноподчиненных предложений с коррелятом и предложений без коррелята (и только с препозитивным придаточным) составляет соответственно при указанных союзах: *wenn* 149 и 7, *weil* 52 и 2, *da* 70 и 2, *sobald* 26 и 5, *obgleich* 13 и 1. С союзом *nachdem* употреблены преимущественно сложноподчиненные предложения без коррелята в постпозитивном главном предложении, то же самое наблюдается и в употреблении сложноподчиненных предложений с союзом *indem* (со значением времени и со значением обстоятельства образа действия).

Более или менее полное объяснение столь широкого употребления коррелята *so* при различных союзах может быть дано лишь на основе специального исследования всевозможных факторов, взаимодействовавших (и взаимодействующих) в процессе развития гипотаксиса (превращения знаменательного слова в служебное — в коррелят, в связи с этим изменения в лексическом значении этого слова, употребления различных средств для выражения одного и того же семантико-синтаксического отношения между компонентами сложного предложения, перемещения средств выражения этого отношения из главного в придаточное вместе с усилением чисто грамматической функции придаточного, увеличения степени грамматизации подчинительного союза и других факторов). Здесь мы ограничиваемся освещением этого вопроса лишь в общих чертах¹⁰.

Коррелят *so*, будучи дополнительным выразителем отношения между главным и придаточным предложениями, яв-

⁹ Schiller F. Ebenda, S. 305.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Behaghel O., ebenda, S. 250 ff.; Стroeva - Сокольская Т. В. Указ. соч., с. 19 и сл.

ляется факультативным средством выражения этого отношения. Но это не значит, что коррелят не играет никакой роли: его присутствие делает главное предложение формально несамостоятельным, и тем самым усиливается формальная, внешняя взаимосвязанность частей сложного предложения как целостной единицы, с помощью коррелята подчеркивается грамматическая функция придаточного предложения и вместе с этим сам характер семантико-сintаксического отношения между компонентами сложноподчиненного предложения¹¹. Такого подчеркивания требовал, несомненно, тот стиль, каким написаны статьи и письма Ф. Шиллера, послужившие объектом нашего наблюдения. Это стиль философско-эстетической полемической литературы, носящей характер диалога с незримо, но как бы непосредственно присутствующим партнером, стиль, требующий убедительного изложения мыслей и доводов. В основе употребления коррелята *so* в сложноподчиненных предложениях с разнообразными придаточными предложениями лежит широкое значение «*dann, demnach, deswegen*», развившееся из значения «*auf diese Art*», которое первоначально имело слово *so* как наречие¹². Этим широким значением и обусловлена соотнесенность содержания придаточного предложения с содержанием главного как временной характеристики, причины, условия (благоприятствующего или неблагоприятствующего) и других по отношению к действию или состоянию в главном предложении. Преимущественное употребление сложноподчиненных предложений с коррелятом в произведениях Ф. Шиллера по сравнению с употреблением их в современном языке объясняется тем, что тенденция к экономии языковых средств не охватила тогда в достаточной мере этого участка функционирования языка и употребление предложений без коррелята еще не стало более или менее устойчивой нормой, хотя оба варианта (предложения с коррелятом и без коррелята) выражают часто одинаковые отношения: при разных формах не отличаются по своей синтаксической семантике (по смысловой или глубинной структуре)¹³. Например, предложения с *sobald*:

¹¹ О коррелятах подробнее см.: Креленштейн Н. С. Корреляты в сложноподчиненном предложении (на материале совр. нем. яз.). Дис. на соиск. учен. степени кандидата филол. наук. М., 1963.

¹² Об этом см.: Paul H. Deutsches Wörterbuch, 7. Aufl., VEB Max Niemeyer Verl., Halle (Saale), 1960, S. 564 ff.; Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexikon-Verlag, Gütersloh, 1968, 1971, S. 3308 ff.; Der Große Duden in 10 Bänden. Bd. 7. Etymologie. Bibliographisches Institut Mannheim /Wien/ Zürich, Dudenverlag, 1963, S. 648.

¹³ О возможности различных явлений экономии языковых средств см.: Moser Hugo. Typen sprachlicher Ökonomie im heutigen Deutsch. In: Sprache der Gesellschaft. Jahrbuch 1970 des Instituts für deutsche Sprache. Bd. XIII, Pädagog. Verlag. Schwann, Düsseldorf, S. 89—117.

- (6) Sobald wir aber anfangen zu zittern, so schweigt jede Zärtlichkeit des Geschmacks.¹⁴
- (7) Sobald es Licht wird in dem Menschen, ist auch außer ihm keine Nacht mehr; sobald es stille wird in ihm, legt sich auch der Sturm in dem Weltall, und die streitenden Kräfte der Natur finden Ruhe zwischen bleibenden Grenzen.¹⁵

Сравните также переводы этих предложений:

- (8) Но как только мы начинаем трепетать, всякая утонченность вкуса умолкает¹⁶.
- (9) Как только свет засветил в человеке, так нет более ночи и вне его, как только мир наступает внутри его, тотчас прекращается и буря в мироздании и борющиеся силы природы находят покой в твердых пределах¹⁷.

Четвертая особенность встречается в раздельном написании частей уступительного союза obgleich. Разделяются эти части словами типа also, aber, indessen, nun или подлежащим придаточного предложения (редко вместе с каким-нибудь второстепенным членом предложения). Например:

- (10) Ob aber gleich die Anmut etwas Unwillkürliches sein oder scheinen muß, so suchen wir sie doch nur bei Bewegungen, die mehr oder weniger von dem Willen abhängen¹⁸.
- (11) Jede andere Art zu wirken ist dem poetischen Geiste fremd; daher, beiläufig zu sagen, alle sogenannten Werke des Witzes ganz mit Unrecht poetisch heißen, ob wir sie gleich lange Zeit, durch das Ansehen der französischen Literatur verleitet, damit vermenget haben¹⁹.

То, что в приведенных примерах налицо разделение частей единого союза, отчетливо видно из сопоставления их со случаями, где такого рода разделения нет. Сравните:

- (12) Aber obgleich er allein die Anlagen der Menschheit weckt und entfaltet, so ist er es doch allein, der ihre Vollendung unmöglich macht²⁰.
- (13) Von einem edlen Betragen ist ein erhabenes zu unterscheiden. Das erste geht über die sittliche Verbindlichkeit noch hinaus, aber nicht so das letztere, obgleich wir es ungleich höher als jenes achten²¹.

¹⁴ Schiller F. Ebenda, S. 266.

¹⁵ Schiller F. Ebenda, S. 371—372.

¹⁶ Шиллер Ф. Собр. соч. в 7-ми т. Т. 6. Статьи по эстетике. Переводы с нем. под ред. Л. Е. Пинского. М., ГИХЛ, 1957, с. 509.

¹⁷ Шиллер Ф. Указ. соч., с. 339.

¹⁸ Schiller F. Ebenda, S. 214—215.

¹⁹ Schiller F. Ebenda, S. 488—489.

²⁰ Schiller F. Ebenda, S. 312.

²¹ Schiller F. Ebenda, S. 362—363.

Сравните также переводы этих предложений:

- (14) Однако, несмотря на то, что грация должна быть или казаться чем-то непроизвольным, мы все же ищем ее только в движениях, более или менее зависящих от воли²².
- (15) Всякое иное воздействие чуждо поэтическому духу; поэтому, заметим мимоходом, все произведения так называемого остроумия неправильно считают поэтическими, хотя мы, введенные в соблазн примером французской литературы, издавна причисляем их к поэзии²³.
- (16) Однако, хотя только оно пробуждает и развивает человеческие задатки, все ж оно одно делает невозможным совершенство человечности²⁴.
- (17) От благородного поведения следует отличать возвышенное. Первое переступает пределы нравственной обязанности; второе этого не делает, хотя мы и ценим его гораздо выше первого²⁵.

Раздельное написание частей союза встречается во всех позициях придаточного предложения: в пре-, интер- и постпозиции. При этом 90% сложных предложений с препозитивным придаточным имеют в главном предложении коррелят *so*. Число предложений с раздельным написанием частей союза составляет 36,17% (17 предложений из 47) от общего количества сложноподчиненных предложений с уступительными придаточными (остальные 63,83% — предложения с единым союзом *obgleich*).

Раздельное написание частей союза обусловлено следующими обстоятельствами. В ранненововерхненемецкий период слово *ob* имело значения двух союзов: условного и уступительного. В первом значении оно было вытеснено позднее союзом *wenn*, а во втором значении сохранилось до времен Ф. Шиллера. В таких уступительных придаточных предложениях употреблялись слова *gleich*, *schon*, *wohl*, *zwar*, которые несли в себе временную или модальную (*wohl*, *zwar*) характеристику по отношению к действию в придаточном и усиливали значение союза *ob*²⁶. Так, слово *gleich*, имея значение «евен, gerade» и представляя действие как только что закончившееся или как раз происходящее, помогало союзу *ob* в логическом противопоставлении содержания придаточного предложения содержанию главного. В дальнейшем под влиянием многих факторов произошло ослабление, а затем и сти-

²² Шиллер Ф. Указ. соч., с. 133.

²³ Шиллер Ф., с. 408.

²⁴ Шиллер Ф., с. 288.

²⁵ Шиллер Ф., с. 331.

²⁶ См.: Paul H., ebenda, S. 250—251, 441—442, 530—531, 750—751;
Behaghe1 O., ebenda, S. 233 ff

рание лексического значения этих слов в этом употреблении. В рассматриваемых случаях раздельного написания *gleich* выступает лишь как формально-грамматическая частица, как своего рода придаток к союзу *ob*, что и является причиной семантико-сintаксической тождественности предложений типа (10) и (11) предложениям типа (12) и (13). Окончательное слияние частей союза произошло потому, что значение уступительности требовало и своей особой формы союза, так как *ob*, выступавший в большинстве случаев как уступительный союз, еще в конце XVIII столетия имел, хотя и в пережиточной стадии, и значение условного союза²⁷.

Таковы основания раздельного употребления частей союза, таково в общих чертах развитие уступительного союза от *ob* через раздельное написание *ob... gleich* к *obgleich*. То же самое можно было бы сказать о союзах *obschon*, *obwohl*, которые употребляются точно так же и в форме раздельного написания их частей.

III

Мы ограничились рассмотрением перечисленных особенностей только в произведениях Ф. Шиллера. Но уже при беглом знакомстве обнаруживаются такие же явления и в произведениях его современников (К. М. Виланда, Г. А. Бюргера, И. Ф. Гете, Э. Т. А. Гофмана, Г. Клейста, А. Шамисса и др.). Это свидетельствует, очевидно, о том, что рассмотренные явления отражают состояние языка эпохи Ф. Шиллера.

В данной работе сделана попытка описать и истолковать в самых общих чертах явления периода уже сложившегося немецкого национального языка с его в достаточной степени устойчивыми нормами (по крайней мере, в сфере грамматики и лексики). И своим существованием они говорят о том, что и в сложившемся национальном языке могут быть единицы, находящиеся в стадии становления в отношении выработки форм выражения своего грамматического значения.

В связи с поставленной в работе целью мы не можем не отметить, что и в современном немецком языке имеются явления, находящиеся в подобного рода стадии становления. Это, в частности, сложные предложения со словом *kaum* (или *kaum daß*), имеющие различную поверхностную структуру, но выражающие одно и то же семантико-сintаксическое отношение, для которых характерны наличие процесса становления подчинительного союза и грамматизация одного из элементарных предложений, наличие особой формы придаточного предложения, наличие омонимичных значений

²⁷ Ср.: Строева-Сокольская Т. В. Указ. соч., с. 56.

у элементарного подчиненного предложения и других особенностей²⁸.

Сопоставление рассмотренного в данной работе процесса образования подчинительных союзов с фактами других языков показывает, что этот процесс не является особенностью немецкого языка, а представляет собой одно из проявлений общего постоянного развития языка как общественного явления. В таком же процессе становления находятся в сущности, например, составные подчинительные союзы «потому что», «оттого что», «для того чтобы», «в силу того что», «с тех пор как» и им подобные в современном русском языке. Известно, что для простых союзов «что» и «как» было характерно первоначально логически нерасчлененное употребление и что они могли совмещать в себе множество значений, в том числе и несколько необычных для современного языка. Ср. например, значение сравнительное (=как), временное (=как только) у союза «что»:

Борис еще поморщится немного,

Что пьяница пред чаркою вина. (Пушкин. «Борис Годунов»).

«Что встанет — доложу-с». (Грибоедов. «Горе от ума»).

Ср. значение временное (=когда), условное (=если), причинное (=так как) у союза «как»:

«Только усмехаюсь, как заслыши бурю» (Некрасов); «Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилить» (Гоголь); «И как уголок их был почти непроезжий, то неоткуда было почерпать известия о том, что делается на белом свете» (Гончаров)²⁹.

Постепенно вместо простых союзов «что» и «как» начали употребляться составные союзы, наречно-указательная часть которых разъясняет значение простых союзов, благодаря чему составной союз в целом приобретает конкретное значение. Некоторые из этих составных союзов достигли необходимой степени абстракции, превратились в идиоматические сращения и стали подлинными союзами (например, «так как»). Но большинство из них не достигло полной грамматизации, так как продолжает сохранять живые связи с теми

²⁸ Автором данной статьи предложения с *kaum* и *kaum daß* описаны в статьях: К вопросу об анализе сложного предложения. Предложения со словом *kaum* в немецком языке. — В кн.: Проблемы совершенствования процесса обучения в высшей школе. Вып. II. Чебоксары, 1975 (Чуваш. гос. ун-т); Элементарное предложение и контекст. — В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Чебоксары, 1975 (Чуваш. гос. ун-т).

²⁹ Все пять примеров приведены по кн.: Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., «Высшая школа», 1972, с. 562—563.

частями речи, с помощью которых они образованы. Следствием этого является то, что составной союз может распадаться на части и его указательные компоненты выступают тогда как обстоятельственные наречия в главной части сложноподчиненного предложения³⁰. Вот некоторые примеры нераздельного и раздельного употребления частей подобных союзов:

«Один плес на этой реке мы назвали «Фантастической Прорвой», потому что нигде и никто из нас не видел таких огромных, в два человеческих роста, репейников, голубых колючек..., как на этом плесе»³¹; «Я написал слово «мог» потому, что сила толстовского гения сделала Безухова существующим»³²; «Для того чтобы понять, что происходило в то время в Сухуми, нужно рассказать про общую обстановку на том клочке кавказского берега, где простиралась у подножия гор душная и маленькая Абхазия»³³; «Все это я пишу, конечно, для того, чтобы оправдать некоторые отступления от твердых требований сюжета, допущенные в этом рассказе»³⁴; «Левинсон потерял связь с другими отрядами, оттого что забрался в глухое место» (Фадеев А. А.); «Я проснулся оттого, что хотел пить» (Солоухин В. А.).

В каждом отдельном языке подобные общие тенденции развития находят своеобразное преломление в соответствии с особенностями системы этого языка, и сопоставительный анализ может послужить средством как для установления закономерностей, свойственных многим языкам, так и для выявления специфических особенностей строя каждого конкретного языка.

На основе изложенного и сопоставления рассмотренных явлений с явлениями в современном языке можно сделать следующие выводы:

1. Наряду с категориями с устойчивой и более или менее единообразной формой выражения в языке, в частности в сфере синтаксиса, могут существовать категории, имеющие различные формы выражения (например, если обозначить условно, формы *solange—so lange*, *solange—solange*, *solange—so*, *solange—* для значения «одинаковая продолжительность»).

³⁰ Подробнее о союзах в русском языке см.: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 552—567. См. также Белошапкова В. А. К изучению структурных типов сложного предложения в совр. русск. яз. (временные предложения с союзом «как»). Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1950.

³¹ Паустовский К. Г. Избранное. М., «Московский рабочий», 1961, с. 45.

³² Паустовский К. Г. Указ. соч., с. 119.

³³ Паустовский К. Г., с. 343.

³⁴ Паустовский К. Г., с. 80.

ность действия главного и действия придаточного предложения), из которых одни, если рассматривать их в историческом плане, могут быть отживающими, а другие — находиться на пути к превращению в доминирующую или даже в единственную форму.

2. Слова, употребляющиеся на каком-нибудь этапе развития языка в качестве коррелятов, могут утратить со временем свое лексическое значение, стать факультативным элементом предложения и даже совсем выйти из употребления, а слово, стоящее в придаточном тоже в роли связующего элемента, может остаться в связи с этим единственным выражителем синтаксической связи между компонентами сложного предложения и превратиться в подчинительный союз.

3. В связи с этим процессом наблюдается определенная закономерность в становлении гипотаксиса: средства выражения семантико-синтаксической связи между компонентами предложения перемещаются из главного предложения в придаточное, способствуя максимальной грамматизации подчиненного предложения.

4. Процесс развития сложноподчиненного предложения продолжается и в современном языке: он может происходить в форме образования новых подчинительных союзов и в виде появления новых отклонений от типичной формы придаточного предложения.

5. Для раскрытия синтаксической природы ряда разновидностей сложного предложения в современном языке недостаточно принятых в настоящее время критерии разграничения гипотаксиса от паратаксиса, а нужны дополнительно новые критерии, которые должны быть установлены на основе диахронического анализа этих предложений или в процессе уяснения их формальных и смысловых связей с окружающим контекстом.

К ИССЛЕДОВАНИЮ ВОПРОСОВ ИНТОНОЛОГИИ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Материальную, звучащую, сторону языка изучают на уровне сегментных и супрасегментных единиц¹. Первые из них относятся к объектам исследования фонетики и фонологии, вторые — интонетики и интонологии².

Фонетика и фонология разработаны довольно подробно; тщательно изучена история их возникновения и развития³; детально исследованы объекты и методика анализа. Устоялась и терминологическая номенклатура, которая применяется в этой области языкоznания. По-другому обстоит дело в интонетике и интонологии: до сих пор не разработана их история; много спорного и нерешенного в выявлении объектов изучения и методики исследования, имеется разной в использовании терминология.

В данной работе рассматриваются некоторые наиболее актуальные вопросы интонологии, разрабатываемые в отечественном языкоznании советского периода. Из имеющейся научной литературы видно, что именно в советской интонологии ведется интенсивное исследование речевой интонации в различных направлениях, способствующее формированию интонологии как самостоятельного раздела современного языкоznания.

Нет необходимости доказывать, насколько важны данные истории при изучении такого малоисследованного раздела, как интонология, тем более что любая «наука требует преемственности, и не только чаяния перспективы, но и знания ретроспективы»⁴. Указывая на необходимость систематического изложения истории интонологии, Л. К. Цеплитис ука-

¹ Как отмечает В. А. Васильев, применяемый «иногда в современной русской лингвистической литературе термин «суперсегментный» — сверхсегментный является неправильным, так как в английском оригинале фигурирует префикс *super*, — имеющий значение *сверх* в смысле превосходства по объему, мощи, качеству (например, *super-man* — сверхчеловек), а префикс *supra*, обозначающий просто *над*, без увеличительного значения, а именно *suprasegmental* — *супрасегментный* или *надсегментный*). Теория фонетического строя современного англ. языка. Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1969, с. 632).

² Давыдов М. В. Пособие по интонации англ. яз. М., «Высшая школа», 1975, с. 3; Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., «Наука», 1975, с. 18; Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, «Зиннатне», 1974, с. 10.

³ См.: Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., «Наука», 1970.

⁴ Реформатский А. А. Из истории... Указ. соч., с. 4.

зывает, что «воссоздание весьма пестрой картины развития интонационных исследований — это задача специальной работы. Насколько нам известно, такая работа еще не проделана»⁵.

По сравнению с фонологией интонология является более молодой отраслью лингвистики. Огромным достижениям в области фонологии предшествовала серьезная работа языковедов, физиологов и физиков, собравших к концу XIX века богатый материал о сегментных звуках речи. Аналогичных данных для исследования вопроса интонологии в это время еще не было⁶.

В истории развития советской интонологии с учетом степени разработанности узловых вопросов об объектах и методах изучения условно можно выделить три основных периода.

Первый (период зарождения) охватывает примерно первые два десятилетия существования советской власти. Возникновение интонологии тесно связано с именами В. А. Богородицкого и В. Н. Всееволодского-Гернгросса.

В. А. Богородицкий одним из первых предлагает изучать интонацию с помощью инструментального способа. Учитывая, что между звучанием музыки и интонации много общего, для анализа последней он привлекает «метод рояля» и нотную запись, вводит нотную транскрипцию простых и сложных предложений на материале русского языка⁷.

До сих пор среди различных вопросов интонологии определение содержания интонации остается главным. В литературе по этому вопросу существуют два принципиальных подхода. Зарубежные лингвисты под интонацией, как правило, понимают мелодию, в то время как советские интонологи мелодию считают всего лишь одним из основных компонентов в характеристике интонации. В историческом развитии точку зрения советских ученых впервые начинает разрабатывать В. Н. Всееволодский-Гернгросс. «Речевой интонацией, — пишет он, — я предлагаю называть отвечающую ряду слогов последовательность тонов, могущих различаться в отношении высоты, силы, темпа и тембра»⁸. Одновременно его определение является особенным в том смысле, что в нем подчеркивается тесная взаимосвязь между слогом и частотой ос-

⁵ Цеплитис Л. К. Указ. соч., с. 9.

⁶ См.: Норк О. А. Изучение интонации на современном этапе и некоторые задачи интонационных исследований. — «Иностранные языки в школе», 1970, № 4.

⁷ См.: Богородицкий В. А. Курс экспериментальной фонетики Казань, 1917.

⁸ Всееволодский Гернгросс В. Н. Теория русской речевой интонации, 1922, с. 5.

новного тона. Слог как бы выступает тем стержнем, на который нанизываются составляющие интонации. В своей «Теории» автор подробно рассматривает характеристики интонационных компонентов и считает, что для исследования интонации нужны особые методы.

Иntonологическая теория получает дальнейшее развитие в трудах А. М. Пешковского. Выделяя эмоциональную, словарную и грамматическую функции интонации, он всячески подчеркивает смыслоразличительные возможности. Например, дистинктивную роль ударения ученый показывает не только на материале слов типа «зámок—замóк», ставших сегодня классическими при иллюстрации свойств словесного ударения, но и отмечает аналогичную функцию ударения вообще в фразах, иллюстрируя оппозициями типа «Он в однóй рубашке.—Он в однóй рубашке»⁹. А. М. Пешковский указывает на соответствующую связь синтаксиса и интонации, но отмечает, что изучением интонации должна заниматься особая отрасль языкоznания и предлагает назвать ее интонационной грамматикой. По его мнению, грамматические функции интонации в грамматике должны изучаться «как нечто, по существу, инородное по отношению к формам, как особая область явлений, со своими законами, со своей природой»¹⁰.

Таким образом, уже в первые годы развития советского языкоznания языковеды предлагают заниматься изучением интонации собственными методами, выделив ее в соответствующий раздел науки о языке. Но в последующие годы, вплоть до начала 70-х годов, эта идея не получает существенного развития. Наоборот, ученые начинают сомневаться в возможности говорить об интонологии «с той же определенностью, с какой мы говорим о фонологии»¹¹. Одна из основных причин — отсутствие надежных интонетических (физических) данных, служащих базой для проведения интонологических исследований¹².

В последующие два десятилетия (примерно до начала 60-х годов) происходит бурное развитие интонетических исследований. Особую роль в этом сыграла лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи (ЛЭФИПР), соз-

⁹ Пешковский А. М. Интонация и грамматика. — «Изв. АН СССР», т. 1, кн. 2, 1928, с. 458. В этой же работе он раскрывает семантическую функцию паузы, ср. его примеры «Кипит, Анюта — Кипит Анютा» на с. 466—467.

¹⁰ Там же, с. 475—476.

¹¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., «Изд-во иностр. лит.», с. 246.

¹² Термины «интонетика», «интонология» в лингвистический обиход вошли совсем недавно (см. сноску 2 настоящей работы).

данная под руководством В. А. Артемова. В эти годы, по словам В. А. Артемова, «ЛЭФИПР решительно перешла на современные электроакустические и радиотехнические способы регистрации и анализа звуковой материи языка»¹³. В истории отечественной интонологии начинается изучение физических особенностей интонации различных языков при помощи электродинамического рекордера и аппарата Неймана¹⁴. Позднее для этих целей в ЛЭФИПР применяется интонограф¹⁵.

Именно инструментальный анализ интонационных параметров существенно восполнил тот недостаток в фактическом материале, который остро чувствовался в первый период развития интонологии. Инструментальный способ изучения входит в комплекс структурно-функционального метода (СФМ)¹⁶.

Иntonация рассматривается в тесной связи с синтаксисом. Более того, она даже ставится в значительную зависимость от синтаксических явлений. Одновременно с изучением интонетической природы надсегментных явлений внимание уделяется выявлению различных синтаксических типов и коммуникативных подтипов простых и сложных предложений, анализируются логико-грамматические связи между предложением и суждением, которые затем подвергаются интонологическому переосмыслению¹⁷.

Обобщая опыт многочисленных исследований по выявлению интонетических характеристик речи, В. А. Артемов отмечает, что «физически интонация является динамической структурой числа колебаний основного тона, обертонов и их амплитуд, структурой, изменяющейся и расчлененной во времени в зависимости от смыслового содержания речи, ее лексического состава, синтаксической структуры и стилистических особенностей»¹⁸.

Третий период развития советской интонологии охватывает начало 60-х годов до наших дней. Как и прежде, актуальной остается проблема метода, СФМ продолжает зани-

¹³ Артемов В. А. Экспериментальная фонетика за сорок лет. — «Ученые записки I МГПИЯ», т. 18, МГУ, 1960, с. 292.

¹⁴ Артемов В. А. Психология речи за сорок лет. — «Ученые записки I МГПИЯ», т. 20, МГУ, 1960, с. 558.

¹⁵ Артемов В. А. Экспериментальная фонетика... Указ. соч., с. 300.

¹⁶ Артемов В. А. Метод структурно-функционального изучения речевой интонации. М., МГПИЯ им. М. Тореза, 1974, с. 74—75.

¹⁷ См., например, дис. исследования: Григорьев И. П. Интонационное членение некоторых типов сложноподчиненных предложений в современном английском языке. М., 1953; Шевякова В. Е. Интонация вопросительного предложения в современном английском языке. М., 1954.

¹⁸ Артемов В. А. Психология речи за сорок лет. Указ. соч., с. 547—548.

мать определяющее положение. Данная методика широко используется при изучении интонации разносистемных языков. Первые сопоставительные исследования создаются на базе ЛЭФИПР¹⁹. СФМ применяется не только для анализа интонации германских, романских и славянских, но и тюркских языков²⁰.

Возникновение сопоставительной интонологии перед учеными ставит новые задачи методологического порядка (например, выбор единицы сопоставления). В последнее время все большее распространение начинает получать так называемый категориальный подход сопоставления²¹.

Однако в ряде работ, вышедших сравнительно недавно, снова подчеркивается важность более широкого применения собственно интонологических методов анализа. Как и в первом периоде, снова акцентируется смысло-различительная роль интонации. Считается более целесообразным сначала установить интонологические признаки, а затем выявить соответствующие интонетические особенности, используя для этого и инструментальную методику анализа. Наряду с этим большое значение придается значению слуховых наблюдений²². По мнению Е. А. Брызгуновой, интонационный анализ принципиально отличается от синтаксического. Задачей синтаксического анализа является выявление большого разнообразия видов предложения, что «отходит на второй план при интонационном анализе, для которого существенным является синтагматический состав предложения»²³. Новая методика исследования находит применение в ряде дис-

¹⁹ См., например: Ревтова Л. Д. Интонация повествования в современном английском и русском языках. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. МГПИИЯ, 1963.

²⁰ См., например: Нурмаканова А. Н. Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Ташкент, 1966; Туркенбаев Н. У. Интонация простых вопросительных предложений в казахском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966; Болтаева Р. М. Интонационная структура общего вопроса в современном татарском языке. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук Казань, 1973.

²¹ См.: Делиева Л. М. Роль русского языка и русской лингвистической традиции в сопоставлении национальных языков Советского Союза с иностранными. Автореферат дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1975.

²² См. работы Е. А. Брызгуновой: Практическая фонетика и интонация русского языка. МГУ, 1963; Звуки и интонация русской речи. М., «Прогресс», 1969; О смыслоразличительных возможностях русской интонации. ВЯ, 1971, № 4; Основные типы интонационных конструкций и их употребление в русском языке. — РЯЗР, 1973, № 1; Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке. — РЯЗР, 1973, № 2.

²³ Брызгунова Е. А. Практическая фонетика... Указ. соч., с. 168.

сертиационных работ, написанных под руководством Е. А. Брызгуновой²⁴.

Интонаологический подход изучения супрасегментных явлений начинает получать большее распространение. Как отмечает М. Г. Радиевская, «для работ по интонации, появившихся в последние годы, характерно стремление выделить функциональные, лингвистически значимые единицы и определить не только их релевантные признаки, но и отношение к другим лингвистическим единицам разных уровней»²⁵. Применение общелингвистического метода бинарных противопоставлений для целей изучения интонации в диссертационном исследовании М. Г. Радиевской является дальнейшим обогащением интонаологического метода.

В попытках определить «чисто интонаологическую методику» некоторые авторы все же недооценивают роль современной электроакустической аппаратуры, когда они заявляют, что «в настоящее время объективный метод в анализе интонации, по существу, носит вспомогательный характер — этот метод дает возможность фиксировать акустическую картину речевого сигнала и тем самым значительно облегчает анализ. Однако, если при помощи субъективного метода можно провести все намеченное исследование интонации, то, ограничиваясь объективным методом, достигнуть окончательных результатов анализа нельзя»²⁶. При этом явно упускается из виду тот факт, что проведение интонаологических исследований стало возможным прежде всего именно благодаря богатому материалу, полученному в ходе многолетнего изучения интонации с помощью современной техники. Думается, что тенденция к более широкому использованию функционального анализа ни в коей мере не означает, что интонетический подход с применением, скажем, интонографа «И-75» стал менее важным. Если в зарубежной лингвистике часто под сомнение ставятся результаты инструментального эксперимента²⁷, что «соответствует до некоторой степени известному тезису буржуазной философии», материя исчезает, так как мы не можем ее фиксировать»²⁸, то в советском языкоизна-

²⁴ См.: Обрегон М. У. Смылоразличительные возможности русской интонации в сопоставлении с испанской. МГУ, 1973; Ма Тви Тви. Соопоставительный анализ смыслоразличительных возможностей интонации в русском и бирманском языках. МГУ, 1975.

²⁵ Радиевская М. Г. Проблема бинарного описания интонационных характеристик. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973.

²⁶ Цеплитис Л. К. Указ. соч., с. 35—36.

²⁷ См.: Crystal D. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge, 1969.

²⁸ Кадомцев О. Г. Интонационные особенности встречного вопроса в современном немецком языке. Автореферат дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1975, с. 7.

нии, как это видно на примере развития интонологии, инструментальный метод в эксперименте — неотъемлемый компонент методики интонационного анализа²⁹.

Таким образом, мысль А. М. Пешковского о целесообразности выделить интонологию в качестве самостоятельного раздела языкоznания, в меньшей степени зависящей от грамматики, подтверждается всем ходом развития интонационных исследований. Если в работах, в которых используется преимущественным образом СФМ, все еще продолжает занимать значительное место синтаксический и логический анализ³⁰, то сторонники интонологического подхода, более детально разработанного школой Е. А. Брызуновой, довольно аргументированно возражают против установления слишком прямолинейной зависимости интонации от синтаксиса.

Предлагая строго различать план предложения (грамматический) и план фразы (интонационный), А. А. Реформатский подчеркивает, что само «предложение как грамматическая единица не имеет и не может иметь интонации. Оно актуализируется в коммуникативное явление — высказывание через фразу, которую организует в целое интонация»³¹. Далее со свойственной ему категоричностью он заявляет: «Раз и навсегда следует отказаться от пресловутых «грамматических характеристик» типа: «интонация сложного предложения», «интонация распространенного предложения», «интонация осложненного предложения» и т. п.»³². Л. К. Цеплитис считает, что «синтаксический анализ текста может быть средством выяснения синтаксических значений, но с ее помощью нельзя предсказать, какие интонационные средства будут использованы при произнесении данного текста»³³.

Следующая основная проблема, волнующая интонологов сегодня, это — установление объектов интонационного анализа. Прежде всего их интересует вопрос об инвентаре функциональных супрасегментных единиц. В этой связи А. А. Реформатский пишет, что мысль о дифференциации двух разных единиц фонологического уровня становится актуальной³⁴.

Идея о существовании функциональных единиц на уровне надсегментных явлений была высказана еще А. М. Пешков-

²⁹ См.: Артемов В. А. Метод структурно-функционального изучения речевой интонации. Указ. соч.

³⁰ См., например: Шахбагова Д. А. Интонационная структура общего вопроса в американском варианте английского языка в сопоставлении с британским. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1971; Болтаева Р. М. Указ. соч.

³¹ Реформатский А. А. Фонологические этюды. Указ. соч., с. 72.

³² Там же, с. 16.

³³ Цеплитис Л. К. Указ. соч., с. 209.

³⁴ См.: Реформатский А. А. Фонологические, этюды. Указ. соч., с. 33.

ским, когда он рассматривал смыслоразличительные возможности таких компонентов интонации, как ударение и пауза. В настоящее время интонологические единицы встречаются под различными названиями. Наиболее распространены термины: «интонема», «просодема», «вторичная фонема», «надсегментная фонема». Из них термин «интонема», нам представляется более удобным. Во-первых, термин «фонема», производный от греч. *phone*, обычно ассоциируется со значением «звук» и выступает одним из основных объектов исследования фонологии. Во-вторых, родственные термины с лат. *intonare* «громко произносить», например, «интонема», «интонетика», «интонотактика», «интонология» могут быть использованы при изучении интонации в широком смысле слова, когда в ней можно различать две принципиально разные области: «интонацию мелких речевых единиц — слога и такта — и интонацию крупных единиц — простой фразы и сложной фразы»³⁵. В-третьих, термин «просодема», введенный в лингвистический оборот Н. С. Трубецким, первоначально был предназначен для выражения слога в слогосочетающих и моры в моросочетающих языках³⁶.

Необходимость разграничения фонем и интонем признают многие советские ученые. При этом одни к данной идеи относятся осторожно, считая это делом более далекого будущего³⁷. Например, Л. В. Бондарко и Л. Р. Зиндер отмечают, что вопрос о существовании «суперсегментных и просодических единиц (именно единиц, образующих некоторую систему) в настоящее время нельзя считать близким к разрешению»³⁸. Другие настроены более оптимистично. Так, В. А. Васильев гипотетически называет такие интонемы, как тонема, акцентема, диэрэма, хронема, паузема, ритмема, тембрема³⁹. В зависимости от употребляемого материала он проводит конкретизацию в виде силлабемы, словотонемы-фразотонемы, словоакцентемы-фразоакцентемы, слогодиэрэмы-фразодиэрэмы, словохронемы-фразохронемы, фразопауземы, фразоритмемы и фразотембремы.

Пионером в исследовании этого сложного интонологического вопроса считается Л. Блумфильд, который пользуется термином «вторичная фонема». По его мнению, в английском

³⁵ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 459.

³⁶ Трубецкой Н. С. Указ. соч., с. 222.

³⁷ См.: Исследования по фонологии. М., «Наука», 1966, с. 217—223.

³⁸ Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р. Исследование фонетики.— В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., «Наука», с. 152.

³⁹ Васильев В. А. К вопросу о составе, функциях, иерархии и изоморфизме фонологических единиц на материале русского и английского языков. Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. АН СССР, М., 1963.

языке имеется 9 интонем⁴⁰. Среди новейших работ американских лингвистов наибольший интерес представляют данные С. Лефевра⁴¹. Следуя традициям Блумфильда, Блока и Трейдженера, он называет 12 интонем. В отличие от Блумфильда восходяще-нисходящую фонему он признает лишь вариантом восходящей, а также нисходящей фонемы. Вслед за Блоком и Трейдженером вводят 4 новые фонемы, объединенные под общим названием «уровневые фонемы»⁴². Из 12 интонем 4 связаны с ударением, 4 — с уровнем, 3 — с тоном, 1 — с паузой.

Американские лингвисты в основу выделения супрасегментных единиц кладут дифференциальные признаки интонем. Так, нисходящая интонема отличается от восходящей тем, что релевантным признается свойство «понижение» или «повышение» тона. В концепции В. А. Васильева они объединены под общим названием «тонема». Как у В. А. Васильева, так и у Л. Блумфильда отмечается интонема паузы. Если первый здесь выделяет диэремы и пауземы, то второй не считает их самостоятельными интонемами.

В интонемной теории В. А. Васильева одновременно можно найти ответ и на то, что же такое интонация. В целом она представляется весьма плодотворной. Но в ней, на наш взгляд, можно отметить один недостаток. Трудно согласиться с В. А. Васильевым, когда он говорит о необходимости разграничить «слово-эмь» и «фразо-эмь». Если следовать по такому пути, то можно говорить о сверхфразовых-эмах, эмах абзаца и т. п. Это привело бы к чрезмерному увеличению числа интонем в языке и создало бы дополнительные трудности в инвентаризации. Думается, что более правильна точка зрения А. М. Пешковского, который в этом случае отмечает функцию одной и той же единицы, например ударения, проявляющуюся в одинаковой форме как в словах, так и в фразах⁴³. Действительно, смыслоразличительная роль диэремы, к примеру, в английском языке заметна не только в противопоставлениях слов типа *niterate-nightrate*, но и в аналогичных оппозициях, построенных на материале таких фраз, как *He's looking for relief* — *He's looking for a leaf* и обусловлена не только дистинктивностью слогораздела, но и действием паузы. Не исключено, что в гипотетическом списке В. А. Васильева интонемами *reg se* выступают: тоне-

⁴⁰ Блумфильд Л. Язык. М., «Прогресс», 1968, с. 89—91.

⁴¹ Lefevre C. Spelling, word analysis and phonetics. In: Linguistics in the elementary school classroom. New-York-London, 1971.

⁴² См. подробнее: Акмаров А. М. К вопросу о лингвистической трактовке английской интонации и способах ее графического изображения. — «Иностранные языки в школе», 1971, № 6.

⁴³ Пешковский А. М. Указ. соч., с. 458—460.

ма, акцентема, дизрема, хронема, паузема, ритмема и тембрема. Кроме того, вызывает возражение применение «эмическо-го» подхода для обозначения конкретных интонем. Наверное, целесообразнее сохранить их лишь для таких общих терминов, как «фонема», «интонема». Говоря о фонемах, обычно принято выделять гласные, согласные, сonorные и др. Возможно, лучше сохранить традиционные термины «ударение», «пауза», «темп» и т. д.

Заслуживает внимания классификация интонем, разрабатываемая Л. К. Цеплитисом, который выделяет 4 группы интонем: интеллектуальные, валюнтивные (волевые), эмотивные (эмоциональные) и изобразительные. Употребление психологических денотатов автор объясняет тем, что «значения интонации отражают психические процессы, связанные с оценкой содержания речи, воздействием на психику собеседника»⁴⁴.

Его классификация строится в соответствии с разграничением таких психических процессов, как мышление, воля, чувство и восприятие. При конкретизации инвентаря интонем учитываются данные лингвистических и психологических факторов. В этом смысле классификация Л. К. Цеплитиса носит психоинтонаологический характер. Интеллектуальные интонемы он делит на единицы: актуального членения, степени связи, степени важности, вопроса, утверждения; валюнтивные — на повествовательные и побудительные интонемы; эмотивные — на интонемы: гнева, испуга, нежности, обиды, печали, презрения, равнодушия, радости, стыда, удивления; изобразительные — на интонемы: большая, маленькая, скорая, медленная.

Если в эту систему довольно хорошо вписываются психологические интонемы, то не совсем удачно отражаются чисто языковые единицы. Ср. интонемы утверждения и интонемы вопроса среди интеллектуальных интонем, а также повествовательные и побудительные интонемы среди валюнтивных единиц. Чувствуется, что здесь автор находится под частичным влиянием синтаксической классификации предложений. Но в синтаксисе, как и в логике, где различают сообщение, вопрос, побуждение⁴⁵, соответствующие виды предложений рассматриваются в одной плоскости суждения. Поэтому, скажем, отнесение интонемы вопроса и повествовательной интонемы к различным общим группам супрасегментных единиц не совсем понятно именно с точки зрения логического суждения.

⁴⁴ Цеплитис Л. К. Указ. соч., с. 166.

⁴⁵ См.: Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., «Наука». 1973, с. 213—253.

Таким образом, в области инвентаризации интонем наметился определенный прогресс, хотя сама проблема требует более тщательного изучения. Исследования в основном строятся на материале индоевропейских языков. На материале тюркских языков, в том числе и чувашского, теория интонем еще не была предметом обсуждения. Можно предположить, что некоторые интонемы, будучи универсальными, встречаются в большинстве современных языков мира. Например, сфера употребления мелодики, то есть интонемы тона по В. А. Васильеву, распространяется на все языки⁴⁶. Естественно, это не означает совпадения таких интонем по своей функциональной деятельности. Так, мелодия присуща английскому, русскому и чувашскому языкам. В первых двух языках она выполняет дистинктивную функцию, в которых невопросительные предложения от вопросительных отличаются тем, что в двух используются разные мелодические характеристики: Он дома.—Он дома? He is here.—He is here?

В идентичном случае чувашская мелодия как компонент интонации выполняет лишь конститтивную, а не фразоразличительную функцию⁴⁷.

Говоря об интонологических универсалиях, можно также заметить и следующее. Среди интонем, как это видно из классификации Л. К. Цеплитиса, есть такие единицы, которые тесно связаны с изменениями характера психических процессов, сопровождающих речевую деятельность человека на любом языке. Подобное имеет место потому, что есть категория психологических процессов, которая свойственна людям всех национальностей. Даже не владея чужим языком, по тембровым характеристикам, которые дополняются соматическими движениями различных органов, можно легко распознать плач, крик, раздражение, испуг, радость, смех и т. д. Этому способствуют эмотивные интонемы, физические параметры которых, будучи похожими для людей вообще, делают их универсальными. Для выяснения существа этого вопроса необходимо провести специальные исследования сопоставительного плана. Пока интонология не имеет подобного опыта. В частной гипотезе, выдвинутой Е. А. Брызгуновой, указывается, что в интонации эмоций различных языков гораздо больше общих черт, чем в интонации, передающей смысловую сторону речи⁴⁸.

⁴⁶ См.: Болиджер Д. Интонация как универсалия. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., «Наука», 1972, с. 214.

⁴⁷ См. об этих функциях: Васильев В. А. К вопросу о синтаксической роли интонации в английском языке. — Тезисы докладов межвузовской конференции «Синтаксис и интонация». М., ИМГПИЯ, 1962, с. 19—23.

⁴⁸ Брызгунова Е. А. Практическая фонетика... Указ. соч., с. 159.

Актуальным также является исследование дифференциальных признаков (ДП) интонем, которое тесно связано с вопросом инвентаризации последних, представленных в виде совокупности релевантных черт. Многие вопросы проблемы ДП остаются малоисследованными⁴⁹. В частности, недостаточно исследован и вопрос о том, может ли быть каждая интонема «охарактеризована одновременно несколькими дифференциальными признаками или для нее существен некоторый один признак, а другие являются дополнительными?»⁵⁰.

В свете последнего вопроса интересно выяснить другое: могут ли интонемы, подобно фонемам, употребляться относительно автономно друг от друга? Возьмем в качестве примера английскую фразу *Nobody knows* и произнесем в виде '*Nobody knows*' и '*Nobody knows*'. Ядром этих фраз выступает *knows*, при воспроизведении которого наиболее ярко выделяется тон (нисходящий или восходящий), ударение и темп. В предъядерной части фраз, т. е. в слове *nobody*, присутствуют те же интонемы, в том числе и менее яркие, но здесь мы имеем дело с ровным тоном. Итак, в состоянии ли мы хотя бы одну из частей фраз произнести только с одной интонемой, например, ударением? Практически это затруднено, так как все интонемы выступают одновременно, накладываясь на последовательность сегментных единиц, которые используются в предложении *Nobody knows*. При этом одна из интонем, в данном случае тон, играет ведущую, смыслоразличительную, роль, а остальные выполняют конститутивную функцию. Теперь сравним фразы *Nobody knows* и *Nobody knows*. Здесь также налицо те же самые интонемы, но дистинктивная роль приходится на долю ударения. Следовательно, сами интонемы как бы становятся ДП одного супрасегментного целого, когда одна из интонем, выполняя смыслоразличительную функцию, становится ведущей.

Таков далеко не полный перечень актуальных вопросов, разрабатываемых в третьем периоде развития советской интонологии.

Подводя краткий итог изложенному, отметим следующее:

1. Интонология изучает супрасегментные явления речи. Обладая специфическими объектами изучения и соответствующей методикой исследования, она является самостоятельным разделом языкоznания.

⁴⁹ См. об этом работы Кузнецова П. С.: Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их.— В кн.: Исследования по фонологии. Указ. соч., с. 199—216; Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. М., АН СССР, 1963.

⁵⁰ Исследования по фонологии. Указ. соч., с. 212.

2. В истории развития советской интонаологии условно можно выделить три периода, каждый из которых охватывает примерно два десятилетия.

3. На протяжении всей ее истории узловыми остаются вопросы об объектах и методах анализа. Основным показателем сформированности интонаологии является метод исследования. Интонация, как и любая другая отрасль науки, «резюмируется в ее методе»⁵¹. Методологическое содержание ее составляет структурно-функциональный метод.

С. С. РОМАНОВА (Чебоксары)

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ АМЕРИКАНИЗМЫ
В РОМАНЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ОСТРОВА В ОКЕАНЕ»
(В сопоставлении с бритицизмами)**

Различия между английским языком в Англии и США давно обращают на себя внимание исследователей. Неоднократно предпринимались попытки систематизации этих различий¹. Проблема разграничения американского (AE) и британского (BE) вариантов английского языка является актуальной. До настоящего времени анализу подвергается большей частью письменная форма речи. Чаще всего объектом внимания служат произведения американских писателей.

Большое количество исследований посвящено анализу языка известного американского писателя Эрнеста Хемингуэя². Одним из наименее исследованных его произведений является последняя работа писателя, незавершенный роман «Острова в океане» (*Islands in the Stream*). Именно поэтому предметом исследования в нашей работе является язык Э. Хемингуэя — использование так называемых американанизмов — в указанном произведении.

Нами были проанализированы первые 200 страниц романа³, и на карточки занесены все встретившиеся (в указанных пределах) примеры употребления лексических американанизмов. При определении американанизмов эталонами для про-

⁵¹ Науменко Л. Марксизм и психологическая наука. — «Коммунист», 1976, № 4, с. 124.

¹ Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., «Высшая школа». 1971, с. 83—128.

² Кухаренко В. А. Опыт лингво-стилистического исследования языка писателя. Автореферат дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1972.

³ Весь роман составляет 450 страниц и мы не сочли возможным рассмотреть его целиком, поэтому для исследования была взята только первая его часть «Bimini».

верки примеров служили словари под редакцией И. Р. Гальперина⁴, У. Литтла⁵ и Роджета⁶. Если слово или словосочетание было помечено в словаре отметкой «американизм», оно заносилось на карточку для дальнейшей обработки. Всего было отобрано 60 примеров, они в основном вписывались в 4 группы, даваемые А. Д. Швейцером⁷: 1) лексико-семантические дивергенты; 2) литературная лексика, территориально ограниченная в пределах США; 3) графические варианты слов; 4) американизмы, образованные от общеанглийских слов по конверсии. За норму в языке нами была принята общая литературно-книжная и общая литературно-разговорная лексика⁸. Ей противопоставляется нелитературная лексика, содержащая, в частности, профессионализмы, просторечия, диалектизмы, жаргонизмы и случайные образования. Для краткости будем называть эту часть лексики ненормой. Таким образом, все отобранные примеры после раздела их на группы делятся также на норму и ненорму в языке внутри каждой группы.

Приступая к разбору лексических различий между американским и британским вариантами английского языка, необходимо определить объект сопоставления. Вслед за А. Д. Швейцером, на лексико-семантическом уровне единицами сопоставительного анализа мы считаем «слово» и «устойчивое словосочетание»⁹. Из-за неисчислимости лексических единиц мы ограничимся анализом только «основных различительных и общих элементов на лексико-семантическом уровне, а также выявлением отдельных типов противопоставлений»¹⁰.

Начнем с рассмотрения группы лексико-семантических дивергентов. Сюда входят слова, употребляющиеся как в ВЕ, так и в АЕ, но отличающиеся по значению. Число примеров, отобранных нами в эту группу, равно 25, 23 из них являются нормой в языке, а 2 относятся к жаргону, то есть представляют ненорму в языке. Далее норма подразделяется на литературно-книжную (11 примеров) и литературно-разговорную (12 примеров) лексику. К первой относятся такие слова,

⁴ Большой англо-русский словарь. Под ред. Гальперина И. Р. М., «Советская энциклопедия», 1972.

⁵ W. Little. *The Shorter Oxford English Dictionary on historical principle: Third edition*. Oxford, at the Clarendon Press, 1964.

⁶ Roget. *The New American Rogets' College Thesaurus in Dictionary Form*. New York, 1960.

⁷ Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 114 (1 группа); с. 111 (2 гр.); с. 141 (3 гр.); с. 178 (4 гр.).

⁸ Гальперин И. Р. Стилистика. М., «Высшая школа», 1971, с. 62—64.

⁹ Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 105.

¹⁰ Швейцер А. Д. Там же, с. 106.

как Dock(n), которое переводится в АЕ как «пристань, пирс», а в ВЕ как «док». Пример, The boats... were lying tied up in the slips of the three docks that projected out from the beach into the harbor, в котором встречается это слово, показывает, что оно здесь используется в своем американском значении. Ко второй подгруппе относятся такие слова, как Fall(n), которое переводится в АЕ как «осень», а в ВЕ как «обрыв, водопад, падение». Предложение Thomas Hudson... did not want to miss any spring, nor summer, nor any fall... также свидетельствует о том, что здесь это слово употребляется в своем американском значении. Ненорма в языке здесь представлена только жаргоном, то есть такими словами, как Slug(n), которое в АЕ переводится как «крепкий напиток, глоток спиртного», в то время как в ВЕ как «сильный удар кулаком». Из предложения: It was a terrific slug of rum to take like that. — следует, что данное слово здесь также используется в своем американском значении.

Проведенное наблюдение подтверждает мысль А. Д. Швейцера о том, что особенностью всех этих слов является то, что в них значения, присущие АЕ, существуют с общеанглийскими значениями. Американизмами в них являются не слова во всей полноте их значений, а лишь слова в отдельных значениях, то есть лексико-семантические варианты слов. Определить наличие того или иного варианта поможет дистрибуция данного слова.

Теперь перейдем к рассмотрению второй группы примеров, а именно: к литературной лексике, территориально ограниченной в пределах США. Эта группа состоит из 15 примеров, 13 из которых являются нормой, а 2 — ненормой в языке. Литературно-книжная лексика, состоящая из 8 примеров, представлена здесь такими словами, как Sneakers(n), которое означает «тапочки, туфли на резиновой подошве, теннисные туфли». Ситуация, в которой встречается это слово: This time he had a white duck trousers and he wore sneakers, подсказывает нам примерный вариант этого выражения в ВЕ: Plimsolls (n). Литературно-разговорная лексика, состоящая из 5 примеров, представлена такими словами, как Holler(v), которое означает «кричать, окликать». Из ситуации — «I'll swim out». — «No, You holler at them to stay close together...», в которой встречается это слово, можно заключить, что примерным вариантом этого выражения в ВЕ будет Hail(v) или call(v). Ненорма в языке здесь представлена такими жаргонными выражениями, как Punk(n), которое переводится как «слабак, дурак, простофиля». «Listen, punk», David had heard him. «How was I thrown?». Примерный вариант выражения в ВЕ: Duffer, ninny, fool(n).

В «Очерке современного английского языка в США»¹¹ А. Д. Швейцер вводит понятие частичных и полных американанизмов. Полные американанизмы представляют собой «слова и устойчивые словосочетания, которые во всей полноте своего смыслового объема являются принадлежностью американского варианта», а частичные американанизмы входят в него лишь в одном из своих значений. Вышеприведенные примеры относятся к полным американанизмам.

В третью группу примеров вошли графические варианты слов, то есть американанизмы, представляющие собой упрощенные варианты общеанглийских слов. Число примеров, отобранных в эту группу, равно 15, 14 из них являются нормой, а 1 — ненормой в языке. Все 14 примеров, составляющих норму в этой группе, относятся к литературно-книжной лексике, так как *графические* варианты слов невозможно выделить в *разговорной речи*. Эта группа представлена такими словами, как *Color* (n) (цвет), которое в ВЕ пишется как *Colour* (*Sometimes he would... watch the edges of color that...*) и *Fiber* (n) (волокно), в ВЕ как *Fibre* (*...He lay on the fiber matting on the floor...*).

Кроме вышеприведенных типов противопоставлений, в АЕ также практикуется слитное написание слов, которые в ВЕ пишутся обычно через дефис или раздельно, например *Non-arrival* (n), которое можно перевести как «неприезд, неприбытие»: *It was a routine where the daily paper was an event when it arrived, but where it did not come so regularly that its nonarrival was a disappointment*. Ненорма в языке представлена в этой группе случайным образованием¹²: *Апумоге* (больше), которое в ВЕ всегда пишется раздельно (*But there's a lot of stuff I can't take anymore*).

Данные, полученные при количественном анализе этой группы примеров, не будут учитываться при выведении заключительных выводов, так как небольшие орфографические (формальные) отклонения трудно целиком относить к лексическим различиям между британским и американским вариантами английского языка на уровне семантики (значения).

Четвертая, самая немногочисленная, группа состоит из американанизмов, образованных от общеанглийских слов путем конверсии. Здесь представлено всего 5 примеров, причем все они являются нормой в языке. К литературно-книжной лексике (2 примера) относятся такие слова, как *Clapboard*, которое в ВЕ является существительным и переводится как «древесина, дранка», а в АЕ является глаголом и перево-

¹¹ Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М., «Высшая школа», 1963, с. 102.

¹² Гальперин И. Р. Указ. соч., с. 62—64.

дится как «обивать, обшивать досками (дом; крышу)». В предложении *Then, as you come closer, you raised the whole length of the island with the coconut palms, the clapboarded houses, the white line of the beach and the green of the Southland stretching beyond it* сама форма слова показывает, что оно используется здесь в американском значении. Второе же слово *Quit* является в ВЕ прилагательным и переводится как «свободный», в то время как в АЕ оно является глаголом и существительным и переводится как «оставлять, покидать; оставление». В предложении *I've seen a grown man strong, shoulder like a bull, yellow out and quit on half the work you've put in on that fish already* данное слово употребляется как глагол, то есть используется в его американском значении. К литературно-разговорной лексике (3 примера) относятся такие слова, как *Evil*, которое является в ВЕ существительным и прилагательным и переводится как «зло; злой, злобный», а в АЕ — глаголом и переводится как «становиться хуже, озлобляться». В предложении *And he and Fred eviled up awfully fast* также сама форма слова показывает, что оно употребляется в американском значении. Остальные два примера этой группы: *Wicked*, используемое в ВЕ как прилагательное, в АЕ как существительное и переводимое в обоих случаях как «плохой, испорченный», а также *Bad*, используемое в ВЕ и как прилагательное и как наречие, а в АЕ как существительное и переводимое также «плохой; или плохо», встречены в одном и том же предложении: *There's a lot of wicked at large. Really bads. And hitting them is no solution.* Окончание -s, а также дистрибуция этих слов показывает, что они употреблены здесь как существительные, то есть в своих американских значениях.

Конверсия является довольно распространенным способом образования новых слов в АЕ. Прежде всего привлекает внимание обширная группа глаголов, образованных от общеанглийских именных основ. Встречается также немало существительных, образованных по конверсии от общеанглийских прилагательных. Первый, более распространенный тип образования новых слов может быть проиллюстрирован вышеприведенными примерами.

В заключение можно отметить следующее. Из рассмотренных нами 60.000 слов (200 страниц текста) как лексические американизмы было охарактеризовано 60 слов и словосочетаний, что составляет приблизительно 0,1% от всей (обследованной) лексики. Следовательно, на долю общеанглийских слов приходится 99,9% от всей лексики, употребленной в романе.

А. Д. Швейцер в своем исследовании¹³ указывает, что употребление большинства американизмов ограничено рамками разговорной речи. Количественный анализ лексики, использованной в романе, также подтверждает это положение: 46,7% американизмов относится к литературно-книжной лексике, а 53,3% — к литературно-разговорной (не принимая во внимание примеры третьей группы). Таким образом, проведенное нами наблюдение полностью подтверждает выводы А. Д. Швейцера о том, что «общие элементы противопоставляемых вариантов английского языка (ЛЕ и ВЕ) значительно преобладают над различительными элементами не только в количественном отношении, но и по своей функциональной значимости».

А. А. САЗАНОВА (Мурманск)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Настоящая статья посвящена рассмотрению лексической сочетаемости слов как объекта самостоятельного лингвистического исследования. Актуальность данной проблемы, а следовательно, и необходимость ее разработки вызвана спецификой самого предмета исследования, который предполагает установление закономерностей сочетаемости слов, что важно как в теоретическом плане (создание общей теории сочетаемости слов), так и в практическом — результаты конкретных исследований сочетаемости тех или иных семантических группировок слов могут быть положены в основу разнообразных учебно-методических разработок, а также пособий справочного лексикографического характера.

Способность слов соединяться друг с другом давно уже привлекает внимание ученых. В связи с тем, что большинство зарубежных исследователей признают основной лингвистической единицей морфему, а не слово, понятие сочетаемости трактуется очень широко, как «линейная встречаемость» любых лексических единиц. Довольно четко, по нашему мнению, ставится вопрос о сочетаемости слов, а не морфем в трудах ученых Лондонской школы (Дж. Ферса, Дж. Эллиса, М. Халлидэя, Дж. Синглера, М. Макинтоша и др.).

Наиболее часто употребляемый термин «коллокация» (*collocation*), введенный в научных обиходах Дж. Ферсом¹ и понимаемый им как потенциальная способность слова регуляри-

¹³ Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 187.

¹ Firth J. R. Papers in Linguistics. Oxford. 1958.

но встречаться с каким-то определенным словом, получает дальнейшее обоснование в трудах его учеников. Дж. Лайонз предлагает называть коллокациами соединения двух слов, между которыми устанавливаются отношения «синтагматической пресуппозиции»². Речь идет об отношениях, возникающих между такими парами слов, как «ляять» и «собака» (*bark and dog*) «прогорклый» и «масло» (*rancid and butter*) и т. д. Отношения синтагматической пресуппозиции отличаются, по мнению Дж. Лайонза, от отношений синтаксических; они возможны в языке в силу наличия определенного семантического согласования между словами или «соотносительности значений», по терминологии В. Порцига³.

Изучение сочетаемости слов на основе их внутреннего семантического согласования и определило лексический уровень лингвистического анализа как самостоятельной области исследования.

Исследование языка на лексическом уровне У. Вейнрайх⁴ называет изучением «логических аспектов языка», которое представляет собой задачу семантики и проводится независимо от грамматического анализа. Автор считает, что исследование логических аспектов языка вполне законно и перспективно. Он вводит понятие «комбинаторная семантика» или «сочетаемость десигнаторов». С семантической точки зрения вряд ли приемлемы такие соединения, как «желтые песни», «кислая трава», «пить лед» и т. д., хотя они образованы в соответствии с нормами грамматического строя языка. Отсутствие логической связи между словами в вышеназванных сочетаниях делает эти сочетания невозможными.

Дж. Ферс делает интересные наблюдения относительно некоторых отдельно взятых сочетаний. Так, анализируя сочетание *strong tea* и *powerful tea*, *weak argument* и *weak tea*, ученый справедливо замечает, что с точки зрения определения возможностей подобных сочетаний в языке грамматические отношения между словами в данных сочетаниях нерелевантны, уточняя тем самым понятие коллокации как сочетаемости слов на основе их лексических связей, а не грамматических отношений. Дж. Ферс поднимает вопрос о факторах, определяющих сочетаемость слов друг с другом, и считает, что в установлении этих факторов большую роль играет лексическая способность слов к соединению (*lexicalness*). Последователи Дж. Ферса также предпринимают попытку описать и объяснить закономерности сочетаний слов в языке.

* Lyons J. Firth's Theory of Meaning. In memory of J. R. Firth. London, 1966.

³ Porzig. W. Das Wunder der Sprache. Berne, 1950.

⁴ Вейнрайх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970.

Среди факторов, определяющих лексические связи слов друг с другом, ученые называют «приемлемость» или «неприемлемость» сочетаний (*acceptability* or *unacceptability*), «логическую совместимость понятий» (*logical consistency*), реальность, экстралингвистических отношений, выраженных словами в сочетании (*material motivation*) и языковую традицию данного коллектива (*social convention*)⁵.

По мнению А. И. Смирницкого, лексическая (по его терминологии фразеологическая) сочетаемость слов обусловлена теми отношениями, «которые существуют в реальной действительности между обозначаемыми этими словами процессами и предметами»⁶.

Д. Н. Шмелев усматривает зависимость лексической сочетаемости слов от их индивидуальных значений⁷. В определении Д. Н. Шмелева подчеркивается семантический характер сочетающихся слов: слова, вступающие в лексическую сочетаемость, должны соответствовать друг другу семантически.

Сочетаемость слов, основанную на реальных отношениях и связях внеязыковой действительности, Э. М. Медникова называет понятийной⁸. Подобная трактовка, так же как и интерпретация лексической сочетаемости как «семантической избирательности» слов у Б. А. Абрамова и О. Д. Митрофановой⁹, «лексической вероятности» у Л. Р. Зиндерса¹⁰, «семантического согласования на уровне смысла» у Н. В. Коссека и А. Жолковского¹¹, не противоречит, по нашему мнению, пониманию природы лексической сочетаемости А. И. Смирницким и Д. Н. Шмелевым. Б. А. Абрамов полагает, что в двух семантически соглашающихся словах семантическая характе-

⁵ См работы: Firth J. R. Papers in Linguistics; Mitchell T. F. In memory of J. R. Firth, London, 1966; Sinclair J. McH. Beginning the study of Lexis; Robins R. H. Diversions of Bloomsbury. Selected Writings on Linguistics, London, 1970.

⁶ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 53.

⁷ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 165.

⁸ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 71.

⁹ Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глаголов в сопоставлении с потенциями других частей речи. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1966, № 3; Митрофанова О. Д. Семантическая избирательность глаголов-синонимов и ее реализация. «Памяти В. В. Виноградова». Сб. статей. М., 1971.

¹⁰ Зиндер Л. Р. О лингвистической вероятности. — «Вопросы языкознания», 1952, № 2.

¹¹ Коссек Н. В. К вопросу о синтаксической сочетаемости. — «Вопросы языкознания», 1965, № 4; Жолковский А. О правилах семантического анализа. — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1964, № 8.

ристика одного из них всегда детерминирована другим, «сильным», то есть грамматически господствующим словом; вероятность следования слов друг за другом, по мнению Л. Р. Зиндера, определяется семантикой первого из них, например, «красный» прогнозирует появление слов «флаг» или «цвет».

Таким образом, несмотря на различные интерпретации самого явления лексической сочетаемости слов, сущность ее понимается в целом всеми авторами одинаково. Под лексической сочетаемостью слов или сочетаемостью слов на основе их лексической семантики понимается совместимость слов по их лексическому значению.

Изучение закономерностей лексических связей слов оказывается чрезвычайно существенным в исследовании частотности различных сочетаний слова в разных текстах, стилистических особенностей произведений отдельных писателей, стилистических особенностей языковых групп. Кроме этого, приобретение нужных навыков в установлении связи между словами, в соединении слов в словосочетания и предложения является, наряду с запасом слов, необходимым условием для овладения иностранным языком. «Процесс владения речью на иностранном языке, — пишет профессор В. Д. Аракин, — складывается не только из прочного овладения фонологической системой, определенной частью словарного состава и грамматическим строем изучаемого языка, а также из развития навыков правильного сочетания слов, по определенному числу моделей, характерных для данного языка»¹².

К сожалению, теоретическая разработка проблем сочетаемости слов пока не нашла своего отражения в школьных учебниках по иностранным языкам, и подход к объяснению новых слов по иностранному языку выражается, в частности, в рассмотрении каждого слова изолированно, вне связи этого слова с другими словами лексической системы того или иного языка.

В языковой традиции народа складываются и закрепляются определенные закономерности соединения слов друг с другом. Эти лексические связи появляются каждый раз по заданию высказывания и реализуют то или иное свое значение. Лексическая сочетаемость слов существует в языке непроизвольно. Ее характер обусловлен рядом факторов, одним из которых следует признать место данного слова в лексической системе соответствующего языка.

В английском языке существуют два прилагательных *high* и *tall* со значением «высокий». Как показывает анализ

¹² Аракин В. Д. Сочетаемость слов и методика преподавания иностранных ВКН; Межвузовская научно-методическая IX Новейшие достижения языкознания, психологии и других наук. М., 1969, с. 8.

текстового материала, прилагательное *tall* легко сочетается со словами, обозначающими понятие «человек», чего обычно не наблюдается в отношении прилагательного *high* — в значении роста. При наличии в этом же языке глаголов *love*, *like*, *adore*, *dote on* и т. д., объединенных значением «любить», наблюдаются существенные различия в отношении их сочетаемости с наречиями степени. Так, глагол *love* исключительно активно сочетается с усилительными наречиями типа *much*, *passionately*, *terribly* и т. д., чего нельзя сказать о глаголах *adore* или *dote on*. Разный характер сочетаемости глаголов с наречиями говорит о несовпадении их по лексическому значению.

Подобного рода примеры свидетельствуют о том, что слово проявляет способность избирательно сочетаться с другими словами в речевой цепи. Словосочетания, свойственные прилагательному *high* (*high mountain*, *tower*, *building*), не свойственны прилагательному *tall*. Сочетания глагола *love* с наречиями *much*, *terribly*, *awfully* и т. д. не свойственны глаголам *adore* и *dote on*, причем это определяется не экстралингвистическими факторами, а причинами, лежащими в самой лексической системе языка. Словосочетания типа *high* *тап* или *adore much*, *dote on much* не противоречат значениям соответствующих слов, но по лексическим «законам» английского языка они оказываются неправомерными с точки зрения норм словаупотребления. Лексическое значение, выражаемое глаголами *adore*, *dote on*, характеризуется дополнительным признаком «сильно», высокая степень чувства заложена в самом глаголе, и наречие степени, следовательно, превращается до некоторой степени в избыточный элемент.

Установлено, что смысловые объемы слов и сочетаемость очень часто не совпадают в различных языках. В. Н. Ярцева отмечает, что «семантический объем слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия в различных языках, чаще всего не совпадает»¹³.

Известно, что многие учащиеся пытаются изучать язык с помощью словаря, стараясь широко использовать двуязычные словари, и подходят, следовательно, к изучению слова не с точки зрения установления его лексических связей, а с точки зрения дословного перевода.

Каждый учитель иностранного языка может привести десятки примеров подобного «неосторожного» обращения со словами в английском или немецком языках и поэтому представляется очень важным по мере возможности предотвращать лексические ошибки учащихся. Практикуемый многими

¹³ Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 1, с. 9.

учителями переводной метод объяснения лексики также не раскрывает всего понятийного содержания слова и, следовательно, не способствует всестороннему его усвоению. Неумение преподавателя развить у учащихся нужный подход к слову, рассматривать слово в системе изучаемого языка, а не только через призму родного языка является весьма существенным препятствием на пути успешного владения языком.

Правильное употребление слова предполагает знание его понятийно-предметной соотнесенности, типичных устойчивых контекстов его употребления, его лексических связей. С самого начала изучения языка нужна систематическая упорная работа над созданием правильного понимания изучаемого слова во всем объеме его значения. Иными словами, значение каждого слова должно раскрываться через другие слова, т. е. через лексические связи слова с другими словами.

Систематическая работа над словом в контексте, примеры многочисленных иллюстративных сочетаний этого слова, если оно многозначно, будет вызывать в сознании учащихся конкретизируемое контекстом значение. Например, явно недостаточно раскрытие значения слова *heavy* как «тяжелый», а слова *strong* — «сильный». Было бы гораздо нагляднее и конкретнее раскрыть значение данных слов через их сочетаемость. В качестве примера достаточно привести следующие случаи сочетаемости прилагательных *heavy* и *strong*: *heavy silence* — глубокое молчание, *heavy snow* — большой снег, *heavy traffic* — оживленное движение, а *heavy task* — трудная задача, *heavy rain* — сильный дождь, а *heavy blow* — тяжелый удар, *heavy crops* — большой урожай и т. д., *strong tea (coffee)* — крепкий чай (кофе), *strong wind* — сильный ветер, *strong port* — укрепленный порт, *strong eye* — здоровый глаз, *strong breath* — тяжелое дыхание, *strong cheese* — острый сыр, *strong butter* — свежее масло и т. д.

Использование лексической сочетаемости слов следует признать одним из успешных приемов изучения лексики особенно на старшей ступени обучения.

При работе над текстом в старших классах необходимо выделять грамматическую структуру, в которую может быть включено изучаемое слово, например, «прилагательное + существительное», «глагол + существительное» и т. д., определять слова, которые могут сочетаться с изучаемым словом. Далее следует выполнить ряд упражнений, которые обеспечивали бы запоминание нового слова в соответствующих сочетаниях как на слуховой основе, так и со зрительной опорой. При этом следует выбрать из неисчисляемого количества вариантов предложений те, которые содержат знакомые и легкие слова и которые вполне соответствуют по своему содержанию знаниям и интересам учащихся. Творче-

ские упражнения, основанные на изучаемых сочетаниях (составление учащимися вопросов и ответов, воспроизведение учащимися предложений, вопросы учителя к учащимся, которые требуют употребления изучаемых словосочетаний, самостоятельные монологические или диалогические высказывания учащихся, направляемые ситуацией, предложенной учителем и т. д.) несомненно облегчат изучение слова во всем объеме его значений.

Изучить иностранный язык значит прежде всего усвоить необходимое количество слов и научиться правильно употреблять их в соответствии с грамматическими и лексическими нормами изучаемого языка. А это, в свою очередь, вызывает необходимость усвоения основных видов лексико-грамматических контекстов, в которых слово употребляется. Это положение современной лингвистики должно постепенно проникнуть в практику преподавания иностранных языков в школе.

В. И. СЕРГЕЕВ (Чебоксары)

РОЛЬ КВАНТИФИКАТОРОВ В ВЫРАЖЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Для выражения определенного и неопределенного количества как в английском, так и в чувашском языках имеется ряд количественных слов так называемых квантификаторов¹ или квантитативных знаков². Что же они представляют эти словесные знаки? Какова их языковая природа и область функционирования в том или ином языке?

Особый семантический класс в каждом языке составляют имена числительные, или так называемый класс квантитативных словесных знаков, которые обозначают количество предметов, их порядок при счете, а также количество предметов как совокупность, как одно целое или количество, распределенное по группам.

«В основе знакового значения имен числительных лежит понятие математического числа, — пишет А. А. Уфимцева, — ограниченного фактически одним отличительным признаком — выделяющим данное число из ряда других».

К сказанному А. А. Уфимцевой нужно добавить, что «понятие математического числа» у некоторых числительных частично, а иногда и полностью теряется. Это можно проил-

¹ Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975, с. 80.

² Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974, с. 160.

люстрировать на примерах с числительными опе, пёр (пё́ре) «один».

Например. 1) I showed the ring to one Jones. «Я показал кольцо некоему Джонсу».

2) The letter was brought by a John. «Письмо принес некий Джон».

3) a man came pё́r çын килчё «пришел некий (один) человек».

Чувашскому пё́р в данном случае соответствуют английские опе и а, последнее, как мы знаем, исторически восходит также к слову опе. Можно заметить, что чувашское пё́р, в приведенном выше примере, как бы выступает в роли «непринятого» неопределенного артикля и тем самым способствует четкому разграничению оппозиции грамматических чисел: единственного и множественного.

Употребление существительных после квантификаторов а, опе, пё́р в форме множественного числа в большинстве случаев представляется невозможным, но для чувашского языка и здесь допустимы исключения. Дело в том, что чувашское пё́р в некоторых случаях может выражать значение неопределенности не только по отношению отдельного лица, но и коллектива в целом. Сравните.

Возможно:

Вёсен панулмисем пур

They have apples

Невозможно:

вёсен пё́р панулмисем пур

they have an apples

Но: пё́р çынсем патёнче хा�налантамп — мы гостили у незнакомых.

Все остальные числительные, кроме опе и пё́р, по самой сути обозначаемого ими понятия могут быть отнесены к универсальным знакам, свойственным любому языку.

Однако различие наблюдается не в самих числительных—определениях, а в существительных, выступающих в роли определяемых:

two men

ик çын

два человека

five books

пилёк кёnekе

пять книг

ten oxen

вунă вăkăp

десять быков

three troubles

виç(ё) тенкё

три рубля

Существительное, как мы видим, в английском языке ставится во множественном, а в чувашском — в единственном числе. В чувашском языке как бы отсутствует согласование между числительными и существительными (т. е. между определением и определяемым). Знаменитый венгерский лингвист Шимони такое правило называет «нелогичным», а О. Есперсен считает это «примером разумной экономии, по-

скольку в данном случае всякое выражение множественности у существительных было бы излишним»³.

Иногда некоторые приближения к «примерам разумной экономии» обнаруживается и в английском языке:

five dozen	пять дюжин
four score	четыре десятка
three foot	три фута и т. д.

Сюда же можно отнести лексемы типа: deer, sheep, swine, trout, craft, выступающие в форме двух омонимичных словоформ единственного и множественного числа.

Следующим типом квантификаторов, выступающих в роли выразителей неопределенного количества, являются словесные знаки, выражающие своим лексическим значением понятие количества, числа. Сюда относятся такие понятия, как нематематическая множественность, дискретная собирательность, единичная множественность, приблизительная множественность, значение общего числа и т. п., которые выражаются лексически в виде простой или расчлененной номинации.

Например.

1. The lion is a beast of prey. Арыслан — тискер чёрчун. Арыслан чёрчунсен патши.

2. Language is a means of communication. Чёлхе ыыхану хатэрэ.

3. He does not drink wine. Вал эрех ёсмест.

В этих предложениях существительные, хотя и употребляются в форме единственного числа, не выражают значение единичности. Слова the lion (арыслан), language (чёлхе), wine (эрех) обозначают предметы и субстанции, вообще лишенные значения числа и не поддающиеся исчислению. В данных примерах они как бы выступают в форме «общего числа». Однако мы считаем целесообразным оставить и в данном случае термин «единственное число».

По данным Б. Хаймовича и Б. Роговской, частотность употребления словоформ единственного числа существительных в английском языке составляет 83% от общего числа употребления существительных⁵. Что касается чувашского языка, то такой подсчет не был никем произведен, но даже «беглый эксперимент» может подтвердить, что частотность

³ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 241.

⁴ В чувашском языке существительное обычно ставится в единственном числе и после парных числительных, выражающих неопределенное количество: ик-виç кэнеке «две-три книги», но ик-виç кунсем иртсен «через каких-нибудь два-три дня» (ср. анг. in two three days «через два-три дня»).

⁵ Khaimovich B., Rogovskaya B. A Course in English Grammar. M., 1957, p. 67.

словоформ единственного числа существительных и в чувашском языке также велика. Например, в книге М. Кибека «Сунарçасем» (с. 99) из сорока существительных тридцать пять даны в форме единственного числа (имена собственные при этом в учет не взяты).

К числу количественных определителей или квантификаторов мы относим также словесные знаки, выражающие своим значением понятие «приблизительного множественного числа». Это такое множество предметов или лиц, не относящихся к одному и тому же виду.

Например.

1. A man in the thirties. Ваттарсенчи арсын — Мужчина лет тридцати.

2. The Vincent Crummleses. Семья Винсента Краммлза или Винсент Краммлз и его семья.

3. Аптрамансем — Семья Аптрамановых.

В тех случаях, когда числительные в форме множественного числа в английском языке выражают неопределенную хронологию дат, в чувашском языке не наблюдается аналогичное употребление форм «разумной экономии», поскольку это приводит кискажению смысла высказывания. Ср.:

(утмалмёш çулсем — шестидесятые годы);

утмалмёш çул — шестидесятый год;

иртнё ёмёрён утмалмёш çулсем — шестидесятые годы прошлого века (невозможно: иртнё ёмёрён утмалмёшесем). Форма «утмалмёшесем» в этом значении в чувашском языке вообще не употребляется. Отвлеченные количественные числительные, употребляющиеся самостоятельно, в чувашском языке также способны принимать аффикс—сем. В этом случае они приближаются к категории существительного, но только выражают не предметность, а идею числа, осознаваемую как предмет, иначе опредмеченное число⁶.

Такие определенные количественные числительные стоят в форме множественного числа, как правило, в двух случаях:

а) для выражения неопределенного, приблизительного возраста людей:

Çулёпе, пирён евёrlех, ваттар пиллексене çывхарса пырать ёнтё халь (Игн. Ик тёлпулу, 21). «Годами, как и мы, приближается сейчас к тридцати пяти»;

б) для выражения приблизительного отрезка времени:

Пиллексем тёлнелле / кётетпёр ѣна. «Мы ждем его (ее) к пяти(часам)».

Как мы видели, английские количественные числительные в плуральной форме соответствуют по смыслу чувашским

⁶ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., 1961, с. 89.

определенительным группам, типа порядковое числительное + имя существительное в форме множественного числа:

twenties չирёммёш չուլսем «двадцатые годы».

В чувашском языке возможно употребление форм множественного числа с порядковыми числительными, чего мы не наблюдаем в английском языке.

Например.

1. Виççёммёшем паян экскурсие кайрёç. — Третъеклассники (или третьекурсники) сегодня пошли на экскурсию.

2. Виççёммёшем тёлнелле çитмелле. — Их приезд планируется примерно к третьему числу.

Порядковое числительное в первом примере выражает собирательное множество лиц, расположенных в естественном порядке, а во втором — приблизительную дату, то есть приблизительное число месяца.

Самым типичным средством выражения понятия приблизительного множественного числа являются формы личных местоимений: we — эпир «мы»; you — эсир «вы»; they — вёсем «они».

В содержание множественности лиц в слове we — эпир не входит 1+1+... или эпё+эпё..., а входит говорящий I — эпё, затем слушающие you — эсё и he (she) — вёл.

Такая же множественность выражается сочетаниями слов, типа:

My friend and I юлташпа эпё — я с товарищем.

Квантификаторами множественности в английском и чувашском языках могут быть слова и словосочетания, называемые неопределенно-количественными словесными знаками:

many, much	много... нумай, чылай
little, few	мало сахал
less	многие нумайашё
much more	много больше чылай нумай
several, more	некоторые, хашпёр, сахалашё
all	все пёр, пурте и т. д.

Сейчас на конкретных примерах проследим закономерности употребления квантификаторов на материале исследуемых языков.

1) Many pupils read books.

Нумай вёренекен кёнеке вулать (возможно также: Вёренекенсенчен нумайашё кёнеке вулать). Многие учащиеся читают книги.

2) Some students read books.

Хашпёр студентсем кёнеке вулаççё (возможно также: темиçе студент кёнеке вулаççё). Некоторые (какие-то, несколько) студенты читают книги.

3) All students read books.

Пур студент та кёнеке вулать;
Студентсем пурте кёнеке вулаççé;
Все студенты читают книги.

4) A few students read books.

Темиçе студент кёнеке вулать;
Несколько студентов читают книги.

5) Few students read books.

Студентсенчен сахалашё кёнеке вулать;
Немногие студенты читают книги.

6) No students read books.

Пёр студент та кёнеке вуламасть; (Студентсенчен ни-
хашё те кёнеке вуламасть).

Ни один студент не читает книг.

Как видно из примеров, не все параллельные чувашские высказывания абсолютно тождественны английским. В этом случае принцип «разумной экономии» в чувашском языке в некоторых случаях нарушается, появляется возможность употребления параллельно двух форм числа, в то время как в английском языке выступает только форма множественного числа:

нумай студент — нумай студентсем, студентсенчен нумайшё; тапу students;

хашпёр студент — хашпёр студентсем — студентсенчен хашё-пёри; some students;

пур студент та — пур студентсем те — студентсенчен пурте; all students и т. д.

Остановимся на таком примере: Many people do not smoke, but many of them do.

Многие люди не курят, но многие из них все-таки курят.

Мапу в этом высказывании не означает большинство людей, а лишь некоторых. Здесь тапу равнозначно слову some, поэтому появляется возможность интерпретации: Some people do not smoke, but some do.

На почве чувашского языка это значение можно передать следующими высказываниями (вариантами):

Нумай çынсем чёлём туртмаççé, анчах хашёсем туртаççé: хашёсем чёлём туртмаççé, анчах хашёсем туртаççé; нумайшё чёлём туртмаççé, анчах та хашёсем туртаççé; нумайшё чёлём туртмасть, анчах хашёсем туртаççé; хашпёр çынсем туртмаççé, анчах хашёсем туртаççé; пур çын та чёлём туртмасть, анчах хашё-пёри туртать...

Можно предположить, что тапу и нумай в приведенных выше высказываниях тяготеют к более неопределенному и обобщенному количеству, чем, скажем, some хашёсем, хашпёр.

К числу квантификаторов следует отнести словесные знаки, обозначающие понятие количественной характеристики предметов.

В английском:

a fortnight	две недели
a score	десяток
a dozen	дюжина
a decade	декада
a pair	пара
a couple	двоє

В чувашском:

тесетке «десяток»
вунăкунлăх «декада»
мăшăр «пара»
йĕкĕр(еш) «двойня»

Вышеприведенные количественные определители отличаются от предыдущих тем, что они выражают конкретное, определенное множество.

Как в английском, так и в чувашском имеются слова, которые служат для выделения отдельного члена множества в форме единичности. Эти квантификаторы несут прежде всего функцию индивидуализирующую.

В английском:

every	всякий	такам та
each	каждый	кашни «каждый»
neither of	некоторый из	хăшĕ те пулин
either of	который-нибудь	кам та пулин
all	все	пурте
everybody	всякий, каждый человек	кашни çын кашни япала
everything	всякая вещь	иксемĕр та, иксĕр тă, иккĕш тă
both of	оба из	нумайашĕ
many a...	многие	никам та
nobody	никто	кам
who	кто	хăшĕ
which	который	мĕн
what	что	нимĕн та
nothing	ничто	

Индивидуализирующую функцию в чувашском языке несет также числительное пёр в монолитной и удвоенной формах лĕр-пĕр. Например, Тавсье, тесе çёлĕкне хывать пĕр ватти (или пĕр-пĕр ватти). Употребление количественного определителя опе или а в этой функции в английском языке встречается в таких случаях: a second United States вторые Соединенные Штаты; a Zoological Gardens зоологический сад.

Таким образом, квантификаторы (quantifiers) — это слова или группа слов, которые с семантической стороны характеризуются тем, что они обозначают в той или иной форме количество — число предметов или лиц, обозначенных

существительными, или количество⁷ обозначаемого существительным вещества, свойства и т. д.

В чувашском языке почти все квантификаторы могут употребляться как с формой единственного, так и с формой множественного числа существительных. В то время как квантификаторы английского языка могут быть подразделены на:

I. Употребляемые только с формой единственного числа существительного:

а) количественное числительное one (носр. в чув. языке: пёр çын «некий»; пёр çынсем патне кёрсе çывäрнä «он переспал ночь у незнакомых людей»);

б) все порядковые числительные the fourth гоот, the twenties century (носр. в чув. яз. çирёммёш çулсем; англ. the twenties);

в) местоимения each, every, either, neither, little, much, less, least (часто последние четыре местоимения включают и в число прилагательных).

II. Употребляемые только с формой множественного числа существительного:

а) все количественные числительные, кроме one;

б) местоимения both, several, many, few и сочетание a few;

в) сочетания a number of, a pair, a couple of, the majority of, a good many of и т. п.

III. Употребляемые только с формой единственного числа, если существительные относятся к «неисчисляемым» (uncountable or mass nouns) и только с формой множественного числа, если существительное относится к «исчисляемым» (countable nouns):

а) местоимения some, any, more, most, enough;

б) сочетания a lot of, plenty of, a great deal of и т. д.

А. И. СТЕПАНОВА (Чебоксары)

ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ II ОТ ГЛАГОЛОВ НЕПЕРЕХОДНЫХ И НЕПЕРЕХОДНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос о выявлении парадигматического, системного значения причастия II от непереходных глаголов и глаголов непереходного употребления.

⁷ Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, с. 60.

Выделение этой группы причастия II обусловлено тем, что причастия II, имея одну морфологическую форму, отличаются по значению в зависимости от лексико-грамматического характера глагола, от которого они образованы, от его переходности—непереходности и предельности—непредельности.

Для выделения парадигматического значения причастия II глаголов непереходных и непереходного употребления применим прием оппозиционного анализа и субSTITУции. Оппозиционный анализ «является тем способом формализации грамматической семантики, который позволяет поставить исследование плана содержания грамматических единиц на формальную основу»¹.

В оппозиции причастие I: причастие II у причастия II от глаголов разного характера при одном и том же формальном оформлении релевантными становятся разные значения.

Иную картину дает парадигматическое противопоставление форм причастий в русском языке. Значение залога и времени у причастий в русском языке выражено морфологически разными суффиксами. «Причастия одного глагола соотнесены по парам по значению времени и залогу, например, «играющий—игравший, играемый—игранный; играющий—играемый, игравший—игранный»².

Но эти четыре формы причастия не всегда можно образовать от каждого глагола. На образование причастий в русском языке, так же как и в английском, влияет лексико-грамматический характер глагола, его переходность—непереходность. Непереходные глаголы в русском языке не образуют страдательных причастий. Например, «от глаголов жить, стремиться, синеть, находиться можно образовать только действительные причастия настоящего и прошедшего времени»³. Непереходные глаголы в английском языке не образуют причастия II со значением пассивности. Например, причастия II arrived, come, gone, risen всегда имеют активное значение.

Мы видим, что в двух языках непереходность глагола одинаково влияет на образование причастий. Но в английском языке причастия II непереходных и переходных глаголов, различающихся по значению активности—пассивности, оформляются одной и той же синкетической формой. Кроме того, причастие II, оформленное одним маркером, одновре-

¹ Хлебникова Б. И. О принципах выделения дифференциальных признаков на морфологическом уровне.— В кн.: Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка. М., «Наука», 1965, с. 205.

² Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 419.

³ Современный русский язык. М., Изд. МГУ, 1971.

менно со значением активности—пассивности имеет значение завершенности или длительности действия, выраженного причастием II. Возникает вопрос о грамматическом значении причастия II как словоформы парадигмы глагола.

Для исследования парадигматического значения причастия II глаголов непереходных и непереходного употребления обратимся к приему оппозиционного анализа. Второй член оппозиции у причастия II этих глаголов нужно искать в парадигме причастия в современном английском языке.

Причастие II может быть взято в оппозиции к двум формам: причастию I индефинитному и причастию I перфектному. Нам нужно установить, являются ли обе эти формы равноправными членами оппозиции «причастие I — причастие II» с точки зрения выявления парадигматического значения причастия II. Для этого сравним их синтаксические функции в предложении, так как «при установлении набора парадигматических форм и их грамматического содержания первоочередным условием является соблюдение тождества синтаксической позиции»⁴.

Причастие I индефинитное и причастие II непереходных глаголов имеют одинаковые синтаксические функции, что доказывается приемом субSTITУции. СубSTITУция причастия II причастием I возможна во всех его функциях. Например, в функциях

1) определения

„Then she stared at the fire again, the darkened fire... (the darkening fire) CPSTH p. 258;

2) обстоятельства

„Mrs. McGillicudy, though prepared to spend money on comfortable travel... was at no time extravagant tipper (though preparing) WMMS, p. 2;

3) предикатива

„Cripples, men with missing arms and bandaged faces, men with carving-in chest stood grouped together“ (stood grouping) JLBS, p. 358;

4) части предикативного оборота

„and he found the Frau Professor's guests assembled in the drawing room“ (assembling) SMHB, p. 59.

При субSTITУции причастия II причастие I индефинитное вносит свое значение в предложение, но предложение при этом остается грамматически отмеченным, так как синтаксические функции причастия I индефинитного и причастия II совпадают.

Причастие I перфектное может заменять причастие II

⁴ Helena Krizkova. Привативные оппозиции и некоторые проблемы анализа многочленных категорий. *Travaux linguistique de Prague*, I, 1966, p. 205.

глаголов непереходных и непереходного употребления только в синтаксической функции обстоятельства и обособленного определения с оттенком обстоятельственного значения. Например, «Arrived in Market Basing she put the car in the parking lot». (having arrived) ACBPT, p. 89.

Исследование проводится на материале 604 предложений, выписанных сплошной выборкой из 4000 страниц художественного текста английской и американской литературы с причастиями II самостоятельного употребления от глаголов непереходных и непереходного употребления. Из 604 примеров с причастием II этой группы в различных синтаксических функциях субSTITУЦИЯ причастия II на причастие I перфектное возможна в 43 примерах.

Исходя из того, что причастие I индефинитное противопоставляется причастию II во всех его синтаксических функциях, его можно считать вторым членом оппозиции к причастию II и в этой оппозиции определить парадигматическое значение причастия II как неличной формы глагола.

Возьмем причастие II глаголов непереходных и непереходного употребления в оппозиции к причастию I, например, *decaying* : *decayed*; *falling* : *fallen*; *fading* : *faded*.

Оппозиция *decaying*, *fading*, *falling* : *decayed*, *faded*, *fallen* в плане содержания идет по линии «признак длящегося действия» : «признак завершенного действия». Глаголы *decay*, *fade*, *fall* (и другие в этой группе) — непереходные или непереходного употребления, и действие в своем результате не переходит на объект, а замыкается в самом субъекте действия, который приобретает новое качество, признак, выраженный в причастии II. В причастии II непереходных глаголов значение завершенного действия выражается как глагольный признак его определяемого, признак завершения собственного действия определяемого. Например, «He *gap*, *doubled up*, for the ragged bushes». JLBS, p. 256.

В оппозиции причастие I: причастие II глаголов этой группы у причастия II становится релевантным одно единственное значение — значение признака завершенного действия. Это значение причастия II непереходных глаголов и непереходного употребления выявляется в парадигматическом противопоставлении форм причастий, и оно является парадигматическим, системным.

Оппозиция *fading* : *faded*, *falling* : *fallen* и т. д. является грамматической, так как члены оппозиции инвариантны по отношению друг к другу и принадлежат одному парадигматическому классу, различаясь одним дифференциальным признаком⁵.

⁵ Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., «Наука», 1968, с. 189.

Эта оппозиция бинарна эквивалентна, так как она маркирована как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения маркерами членов оппозиции являются: морфема «*ing*» у причастия I и у синкетической формы причастия II морфема «-еп».

Для того, чтобы определить, как актуализируется парадигматическое значение причастия II глаголов непереходных и непереходного употребления на синтагматическом уровне, обратимся к употреблению причастия II в различных его синтаксических функциях. Из 604 причастий II самостоятельного употребления от глаголов непереходных и непереходного употребления встретилось 13 причастий II от непереходных глаголов и 72 причастия II от глаголов непереходного употребления. Частотность их употребления можно показать в следующей таблице (в скобках указывается число предложений с данными причастиями).

Причастия II

непереходных глаголов	непереходного употребления
gone (195), fallen (13)	seated (38), swollen (30)
crouched (7), decayed (5)	curled (17), stretched (17),
come (4), sprawled (3)	huddled (9), bent (9),
camped (3), squatted (2)	spread (1), withered (7),
slumped (2), arrived (1)	assembled (6), grown (5),
uprisen (1), subsided (1)	wrinkled (6), retired (5),
vanished (1).	blackened (4), rusted (4),
	thickened (4), returned (4),
	hidden (3), perched (3),
	clustered (3), darkened (3),
	settled (3), grouped (2),
	noised (1), showed (1) и т. д.

Небольшое число причастий II от непереходных глаголов по сравнению с причастиями II двупереходных глаголов объясняется тем, что непереходных глаголов значительно меньше, чем двупереходных, и что такие глаголы, как «*live*, *jupiter*» в основном непереходного употребления относятся к двупереходным глаголам из-за возможности их переходного употребления.

Неоднократно отмечалось, что причастие II глаголов не-переходных и непереходного употребления образуется от глаголов со значением внутреннего развития или движения. Однако среди 604 примеров встретились причастия II от таких глаголов, как agree, live down, mix up, noise, show, которые не означают перехода из одного состояния или места в другое, поэтому все причастия II данного исследования можно подразделить на две группы, где а) причастие II выражает действие, субъектом которого является определяемое причастия II (*the fallen man*) или представленное как произведенное им (*the fallen star*); б) причастие II выражает действие как внутреннее развитие в самом предмете (*the decayed tooth*).

Обратимся теперь к синтагматике и посмотрим, как реализуется парадигматическое значение причастия II этой группы в различных синтаксических функциях.

Причастие II в функциях препозитивного определения встречается в 137 предложениях. В 136 примерах причастие II определяет существительное, приписывая ему качество, признак завершившегося действия, выраженного причастием II. Это действие совершается его субъектом, а именно определяемым причастия II, например «...*the assembled Vodi broke into howls of laughter*» (JBV, p. 69), или признак завершившегося действия появляется у определяемого в результате внутреннего процесса в нем, например «*Her softened eyes flew all over the room*» (JGWM, p. 90).

В одном примере из 137 причастие II определяет существительное, приписывая ему не признак завершенного действия, а признак длительного. Например, «*Over his steamed sole, Gill tactfully explained... that...*» (AJCC, p. 268). В этом случае парадигматическое значение причастия II *steamed*, маркируемое морфемой «сп», которая выражает признак завершенного действия, вступает во взаимодействие с непредельностью действия, выраженного в лексической основе «*steam*». Происходитнейтрализация парадигматического значения причастия II *steamed* на уровне слова.

Причастие II в синтаксической функции постпозитивного определения встречается в 68 примерах. Во всех этих примерах причастие II имеет значение признака завершенного действия, то есть завершенное действие представлено в причастии II как признак его определяемого. Значение признака действия чаще всего представлено как состояние определяемого. Получается, что «в самом причастии предшествование действия сливаются с одновременностью состояния»⁶.

⁶ Оссовская М. И. Раздел причастие II. — В кн.: Пособие по морфологии современного английского языка. М., «Высшая школа», 1974. с. 212.

В этом сказывается двойственная природа причастия II: его глагольность и адъективность—адвербальность. Значение завершенности действия идет от глагольности причастия, значение состояния как качества — от его адъективности—адвербальности. В этом соединении двух значений — специфика значения причастия II.

Значение завершенности действия у причастия II выражается различной степенью яркости. Если глагол выражает динамичность действия, значение завершенности действия у причастия II ярче. Например, «...now it's a secret gone to the grave» (JLBS, p. 119), «...he saw the sheets of that letter fallen down on the floor (JGL). Если глагол выражает статичность действия, ярче становится значение состояния. Например, «With a smile he looked across at Christine, seated on the opposite seat» (AJCC, p. 91).

Причастие II в функции обособленного определения употреблено в 43 примерах, в функции обстоятельства — в 3 примерах, в причастных оборотах — в 47 примерах.

Во всех упомянутых функциях причастие II этой группы имеет одно парадигматическое значение, выявляемое в оппозиции к причастию I, которое выражает признак завершенного действия как постоянный признак определяемого в той ситуации. Например, «...whilst she, *stretched* out in the boat with little Tetti on her lap, laughed back at him (ACDCE, p. 2).

Причастие II в синтаксической функции предикатива употребляется 304 раза. В 290 примерах причастие II имеет одно значение — признак завершенного действия, который предицируется подлежащему как временной признак. Например, «He had only one ear. It was *thickened* and tight against the side of his head (EHSS, p. 72).

В 14 примерах причастие II имеет значение завершенного действия не как качественный признак определяемого, а как его действие. Этому способствуют контекстуальные средства, обстоятельства места и времени, относящиеся к причастию II и теснее объединяющие его с глаголом-связкой. Например, «They were *gone* through the woods» (EHSS, p. 38). «Whackings and squalls were noised along the veranda almost every day» (KSPC, p. 141).

В следующем примере обстоятельство места «under the tree» подчеркивает, что причастие II «stopped» в сочетании с глаголом-связкой выражает действие, а ситуация говорит о том, что это активное действие, так как гуляющих было двое, и они сами остановились под деревом: «We walked on a way and were stopped under the tree» (ЕНРА, p. 51).

Парадигма причастий от глаголов непереходных и непереходного употребления имеет трехчленный ряд:

причастие I

причастие II

decaying (fading, falling...)

decayed (faded, fallen...)

having desayed (having faded...)

Как уже указывалось, противопоставление причастия I индефинитного причастию II является грамматической оппозицией. У каждого члена этой оппозиции релевантным становится в противопоставлении одно значение формы, и противопоставление идет во всех позициях причастий на уровне предложения.

Противопоставление причастия I перфектного причастию II идет не во всех позициях в предложении, но при противопоставлении релевантным становится у причастия II значение признака завершенного действия. Например, «*Crouched over her knees she began to scheme*» (JGL, p. 179). «*Having crouched over her knees she began to scheme*».

«Crouched» выражает признак завершенного действия. У причастия I перфектного «Having crouched» релевантным становится значение предшествования. Эти два значения близко стоят друг к другу. Причастие II выражает законченное действие как факт. Перфектное причастие подчеркивает завершенность одного действия раньше другого, то есть предшествование. В этом противопоставлении релевантным становится у причастия II то же значение, что и в оппозиции «причастие I индефинитное : причастие II», но представленное как факт.

Итак, в оппозиции причастие I : причастие II релевантным становится одно значение: значение признака завершенного действия. Это парадигматическое, системное значение причастия II непереходных глаголов и глаголов непереходного употребления.

Помимо противопоставления между членами парадигмы причастий, для причастия II глаголов непереходных и непереходного употребления возможно противопоставление внутри парадигматического ряда причастия II. Внутри членов своего парадигматического ряда причастие II непереходных глаголов противопоставляется причастию II переходных глаголов. Сравним примеры с одним и тем же причастием II, но двупереходного употребления. Например:

„He didn't abuse his *returnd renegades*“ (AJCC, p. 219).

„And Coonardoo with *lighted eyes* would gurgle assent“ (KSPC, p. 198.)

„Mrs. Lancaster would like the *picture returned*“ (ACPT, 116).

„Mrs. McGillicudy looked into the *lighted first-class sariage*. (ACWMM, p. 3).

Противопоставление причастий II, взятых отдельно, не выявляет никаких значений. Разница в значении этих причастий II становится ясной только в противопоставлении сочетаний причастия II с его определяемым, то есть на уровне фразы.

Посмотрим, чем обусловлена разница в значении причастия II одного и того же глагола, но непереходного и переходного употребления. Например,

returned renegates
lighted eyes

the picture returned
lighted carriages

Разница в значении зависит от разной направленности действия, выраженного в причастии II, от того, определяется ли этим причастием субъект или объект действия причастия II. Если субъект действия, выраженного причастием II, определяется этим причастием, причастие II имеет активное значение. Если объект действия, выраженного причастием II, определяется этим причастием, причастие II имеет пассивное значение.

Направленность действия, т. е. субъектно-объектные отношения причастия II с определяемым словом, становится синтаксическим маркером значения активности—пассивности причастия II. Это значение синтагматическое, так как оно реализуется на уровне фраз, в отношении между словами в речевой цепи.

На зависимость страдательного значения в формах русских причастий от синтаксических факторов указывал В. В. Виноградов. Он отмечал, что страдательное значение причастия часто подчеркивается присоединением творительного падежа существительных, выражающих действующее лицо или орудие действия, или общим смысловым контекстом⁷.

На синтаксические особенности причастий страдательного залога указывает также и И. П. Мучник. Он сравнивает следующие активные и пассивные обороты:

1. Агент, отправивший груз.—Груз, отправленный агентом.
2. Ученик, читающий книгу.—Книга, читаемая учеником.
3. Мальчик, закрывший дверь.—Дверь, закрытая мальчиком.

В активных оборотах носителем признака действия причастия является реальный субъект действия, в пассивных оборотах он превращается в реальный объект действия. Синтаксической особенностью причастия страдательного залога

⁷ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., «Высшая школа», 1972, с. 502.

И. П. Мучник считает способность этого причастия сочетаться или не сочетаться с творительным реального субъекта⁸.

Однако нужно обратить внимание на то, что, если в активных оборотах реальный субъект действия является носителем признака действия причастия, то есть обязательным элементом оборота, то в пассивном обороте он становится факультативным элементом, а носителем признака действия страдательного причастия, то есть обязательным элементом пассивного оборота, становится объект действия, выраженного глаголом.

То же явление мы наблюдаем и в английском языке. Например: *The boy writing a letter*. — *The letter written by the boy*. В последнем примере между носителями признака действия причастия I и причастия II, то есть определяемыми причастия, и самими причастиями возникают синтаксические субъективные или несубъективные отношения определяемого к действию причастия.

Значение активности или пассивности причастия II глаголов непередовых и непереходного употребления выявляется в противопоставлении между членами парадигматического ряда причастия II. Если мы сравним это значение активности—пассивности причастия II с его парадигматическим значением признака завершенного действия, то мы заметим разный характер этих значений.

Разный характер этих значений объясняется разным способом их маркирования и на разных уровнях.

Значение признака завершенного действия, т. е. парадигматическое значение причастия II глаголов непередовых и непереходного употребления, маркируется морфемой «-ен» и становится релевантным в грамматической оппозиции двух членов парадигмы причастий: причастия I и причастия II.

Значение активности у причастия II непередовых глаголов и глаголов непереходного употребления маркируется синтаксически.

Говоря об иерархии двух значений причастия II непередовых глаголов — значения признака завершенного действия и активности, нужно иметь в виду, что парадигматическое значение причастия II глаголов непередовых и непереходного употребления, маркируемое самой формой причастия II, относится к категориальному значению причастий. Значение активности причастия II глаголов непередовых и непереходного употребления маркируется синтаксическими отношениями и относится к синтагматике.

Значение активности и пассивности причастия II не всегда

⁸ Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М., «Наука», 1971, с. 78.

четко маркируется в современном английском языке. Имеются примеры, где нельзя точно сказать, активно значение причастия II или пассивно. Например, такие причастия II, как *altered*, *changed*, *heated*, *frayed*, *quited*, и другие. Неясно представлено действие причастия II в следующем примере: *The change was not gross, it was Emrys true enough, but... altered Emrys* (AJCC, p. 85). Неясно, что имеется в виду: «изменившийся» Эмрис в результате внутренних процессов в организме или «измененный» болезнью. Вероятно, это неважно, так как оно остается невыраженным, важно, что Эмрису приписывается качество завершенного действия. Словарь Хорнби дает определение глагола *«fray»* как «стать изношенным или сделать что-либо изношенным». Одно значение непереходное, второе — переходное. Во всех примерах с причастием II *«frayed»* нельзя точно сказать, какое значение имеется в виду. Например, «...who took off his *frayed uniform coat*» (EHIS, p. 242).

Все эти причастия II с неясной маркированностью значения активности—пассивности не были включены в число примеров с причастием II глаголов непереходного употребления.

Субъектно-объектные отношения причастия II с определяемым словом иногда становятся ясными не из контекста предложения, а из ситуации. Например, «*Her mother was inaccessible entrenched in a brown study*» (JGL, p. 175). «*Afterwards, when the Vicar was shut up in his study with the curate, he put his arms round her waist*» (SMHB, p. 48). Мать Флер сама окопалась в кабинете, а Викарий сам закрылся в комнате. Это становится ясным из ситуации.

Итак, причастие II глаголов непереходных и непереходного употребления имеет два значения: парадигматическое значение признака завершенного действия и активное значение. Парадигматическое значение маркируется формой причастия II, морфемой «-еп», значение активности маркируется синтаксическим отношением причастия II к определяемому им слову.

Определение парадигматического значения причастия II глаголов непереходных и непереходного употребления является определенной ступенью в исследовании грамматического значения причастия II в современном английском языке.

Сочетание нескольких значений в одной форме причастия II вызывает особые трудности в усвоении этой формы у студентов и школьников, и теоретическое исследование характера этих значений, выделение инвариантного, грамматического значения причастия II сможет внести свой вклад в методику преподавания этого сложного явления.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ACDCE—A. Christie. Death Comes as the End. N—Y. 1968.
2. ACWMM—A. Christie. What Mrs. McGillicuddy Saw. N—Y. 1968.
3. ACBPT—A. Christie. By the pricking of my Thumbs. Collins. 1971.
4. CpsTH—S. P. Snow. Time of Hope. Pengwin Books. 1962.
5. EHIS—Hinds in the streams. N—Y. 1970.
6. JLBS—J. Lindsay. Betrayed Spring M., 1955.
7. EHSS—E. Hemingway. Selected Stories. M., 1971.
8. SMHB—S. Maugham. Of Human Bondage. N—Y. 1963.
9. JGL—J. Galsworthy. To Let. M. 1956.
10. JGWM—J. Galsworthy. The White Monkey. M., 1956.
11. JBV—J. Brain. The Vodi Penguin Books. 1962.
12. AJCC—A. J. Cronin. The Citadel. M., 1966.
13. KSPC—K. S. Prichard. Coonardoo. M., 1973.

Л. Д. ХРИПУНОВА (Чебоксары)

ФУНКЦИИ ОКОПНОГО ЖАРГОНА В РОМАНЕ

А. БАРБЮСА «ОГОНЬ» И ПЕРЕВОД ВОЕННОГО ЖАРГОНИЗМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Настоящая работа посвящена стилистическому исследованию военного жаргона в романе А. Барбюса «Огонь». Военный жargon представляет интерес в плане выявления конкретных условий образования коннотативных значений данных лексических единиц. Как отмечает А. Доза, «военное арго представляет собой интересный пример быстрой языковой дифференциации¹. Широкое употребление военных жаргонизмов связано с характерным для А. Барбюса стремлением к объективному изображению реальной обстановки, в которой живут и действуют солдаты — «пувлю» первой мировой войны.

А. Барбюс привлекает военные жаргонизмы также в целях психологической характеристики своих солдат, с целью передачи их эмоционального состояния перед, во время и после боя, а также во время длительных и изнуряющих переходов. Военный жаргонизм помогает в концентрированной форме выразить мысль солдата.

При построении художественных образов Барбюс придает большое значение речевой характеристике солдат, рассматривая ее как одно из основных средств художественного изображения. Автор широко использует слова и выражения, характерные для разговорной речи солдат войны 14 года. В главе «Грубые слова» солдат спрашивает автора, каким

¹ Доза А. История французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1956, с. 450.

образом он передает солдатскую речь, которая отличается яркостью, сочностью, самобытностью. — Voilà la chose: si tu fais parler les troufions dans ton livre, est-ce que tu les feras parler comme ils parlent, ou bien est-ce que tu arrangeras ça en lousdoc? (F. 28)².

В употреблении военного жаргонизма, который придает речи солдат грубоватый оттенок, находит свое отражение реалистический метод построения речевых характеристик действующих лиц.

Язык — главный элемент художественного произведения, но не самодовлеющий, а тесно связанный с темой, идеей, композицией произведения. Поэтому вопрос о месте военных жаргонизмов, роли их в художественном произведении, отображающем войну, должен быть разрешен в связи с идейно-тематическим содержанием всего произведения.

Военные жаргонизмы имеют параллели в общем составе языка. Параллелизм в обозначении тех или иных явлений реальной действительности — явление довольно известное в пределах лексики. Жаргонизмы, в большинстве случаев — это переосмысленные слова общего языка. В произведении Барбюса обращает на себя внимание богатство синонимики для выражения одних и тех же или родственных понятий, что и будет показано ниже.

Основное назначение военных жаргонизмов в романе состоит в том, чтобы быть средством выражения мыслей, чувств, волеизъявлений, эмоций солдат. Но все, что выражается средствами языка, в том числе и военными жаргонизмами, предназначается для сообщения. Как и военные термины, военные жаргонизмы выполняют также номинативную функцию. Таким образом, функция выражения тесно связана с коммуникативной функцией, основной функцией языка. Характерной особенностью военных жаргонизмов является то, что их основное содержание связано с выражением эмоций. Источником эмоциональной окраски являются психологические факторы, которые влияют на возникновение, развитие и функционирование значения.

Эмоциональная окраска — это способность военного жаргонизма передавать отношение солдат к предмету речи, пути реализации которой зависят от контекста. Эмоциональная окраска военного жаргонизма создается прежде всего конструкцией самого жаргонизма, а также, как было отмечено выше, контекстом, построением фразы, в которой употребляется военный жаргонизм.

² Варбуссе Непри. Le feu Ed. en langues étrangères. М., 1953, с. 225. Вот в чем дело: если в твоей книге будут разговаривать солдаты, они будут говорить, как взаправду говорят, или ты подчишишь, переделаешь по-вашему? (О, 159). Барбюс А. «Огонь». М., Правда, 1955.

Солдатский жаргон не преследует цели быть непонятным, как, например, воровской жаргон, его цель — наиболее экспрессивно назвать то или иное явление действительности.

В «*L'argot de la guerre*» А. Доза пишет, что война способствовала образованию и развитию военного жаргона, как лингвистического явления³. А. Доза заявляет, что солдатский жаргон не вновь создаваемый язык. Военный жаргон пополняется переосмысленными словами общего языка, казарменным жаргоном, арго деклассированных элементов, заимствованиями у колониальных войск. Способы образования жаргонизмов самые разнообразные. Военный жаргон широко использует различные усечения слов, изменение формы слова (протезу, эпентезу, метатезу, апокопу, синкопу), афиксацию, сокращения, метафору, метонимию, игру слов (каламбур), аллегорию, иронию и т. д.

Военный жаргон охватывает все области военного дела.

В романе А. Барбюса «Огонь» употребляются жаргонизмы, которые были известны еще задолго до первой мировой войны. Так, слово «*marmite»⁴ в общем языке обозначает котелок. В речи солдат это слово, употребленное в переносном смысле иле *marmite*, обозначает «тяжелый снаряд», «чемодан».

— C'est aux oreilles. *Une marmite et un macavouè...* (F, 89).

— Да, я ранен в уши. Недалеко взорвался «чемодан» (O, 60).

— Une marmite est tombée dans sa marmite (F, 60)⁵.

— В его котел попал «чемодан» (O, 38).

Существительное *marmite* (D, Es)⁶ в этом значении дало производное *marmiter* (D) — обстреливать тяжелыми снарядами.

— La cour de sa piaule a été marmitée... (F, 257).

— Ну, так вот, двор его дома обстреляли... (O, 182).

На базе нового глагола образовались два существительных **marmitée* и *marmitage* (D) — неологизмы первой мировой войны. Il avait l'air pas rassuré et s'en ressentait pour *la marmitée* (F, 87).

³ Dauzat Albert. «*L'argot de la guerre*». Paris, 1918.

⁴ Астериском помечены слова-жаргонизмы, не допущенные Французской Академией.

⁵ Игра слов: *une marmite* — котел,
une marmite — снаряд, «чемодан».

⁶ Зарегистрировано в словарях:

Dauzat Alvert. *L'argot de la guerre*. Paris, 1918. Esnault Gaston. *Le poilu tel qu'il se parle. (Dictionary des termes populaires récents et neufs employés aux armées en 1914—1918 étudiés dans leur étymologie, leur développement et leur usage)* Paris, 1919.

У него был не очень-то храбрый вид, он никак не мог прыгнуть к пальбе (O, 59).

— depuis que l'patelin n'est plus amoché par le marmitage (F, 142) — с тех пор, как его больше не осыпают *снаряды* и «чехомоданы» (O, 100).

К довоенным жаргонизмам относятся слова, отражающие солдатский быт: *jus* — кофе (D, Es), **perlot* — табак (La Rue)¹, *саоа* (D) — кофе.

Во время первой мировой войны часть военных жаргонизмов подверглась переосмыслинию. Так, например, слово *as(m)* (D, Es), обозначавшее ранее «кавалерист», стало употребляться в смысле «хороший солдат».

— Ah! lui. C'était un *as!* Ya pas à tortiller du croupion, savait y faire. (F, 57).

— Да, молодец! Чего там, он знал свое дело (O, 37).

**Crapoillot* (m) (D, ES) — обозначало «маленькая гаубица», в период первой мировой войны это слово стало обозначать «снаряд миномета».

— Y a pas pire que l'*crapoillot* qui a l'air de courir après vous... (F, 242).

— А хуже всего «*крапуйо*»: он как будто гонится за тобой... (O, 200).

В русском переводе не дается ни соответствующего термина или жаргонизма, ни объяснения слова *crapoillot*, оно как реалия дано в кавычках. Базой этих жаргонизмов явились слова общего языка.

Часть военных жаргонизмов образовалась морфологическим путем. Так, *повар* — *cuisinier* — на военном жаргоне звучит как *cuistot* (D) и *cuistancier* (D), образованные от слова *cuistance* (D) — кухня.

— Toujours du feu dans sa cuistance, toujours ma vieille cloche (F, 57) — .

— У него на *кухне* всегда был огонь, всегда (O, 37).

— T'as tout du cuistancier, dit Barque (E, 31)

— Ты сущий *повар*, говорит Барк (O, 18).

— C'est un cuistot, probab? (F, 31).

— Наверняка, *повар*! (O, 18).

В речи автора использовано общеупотребительное слово *cuisinier*. A peine l'Allemand est-il passé que les quatre cuisiniers, d'un seul mouvement, sans s'être concertés, s'élançent (F, 265).

Едва немец прошел, как четыре повара единным прыжком, не сговариваясь, кидаются вперед (O, 187).

¹ La Rue Jean. Dictionnaire d'Argot et des principales locutions populaires. Paris, 1926.

Таким образом, наряду с *cuisinier*, общеупотребительным словом, использованы жаргонизмы *cuitot*, *cuisancier*, но в русском переводе «Огня» они однообразно переданы словом «повар».

Немецкие самолеты периода первой мировой войны назывались французскими солдатами «taube» (не регистрируется названными выше словарями) и *«zeppelin» (Es). Die Taube значит в немецком языке «голубь». Форма этого самолета похожа на летящего голубя.

Zeppelin — это самолет типа дирижабля, названный по имени его изобретателя — метонимическое словоупотребление.

—Pendant que t'es là-bas, je teste donc dans la capitale à la merci d'un *taube* ou d'un *zeppelin*! (F, 168).

— Пока ты там, я торчу в столице под вечной угрозой «таубе» и «циппелинов» (O, 116).

Военные жаргонизмы употребляются автором только в речи солдат. Как видно из приведенных примеров, число которых можно было бы увеличить, военным жаргонизмам свойственна экспрессивность и образность. Военные жаргонизмы, как мы видели выше, не только имеют параллели в общем языке, но и обладают целым рядом синонимов-жаргонизмов. Синонимы — жаргонизмы уточняют, детализируют изображаемое явление, передают оттенки значения данного слова. Синонимы — жаргонизмы в романе А. Барбюса «Огонь» отвечают идеиному замыслу писателя.

Так, слово окоп — убежище имеет несколько синонимов — жаргонизмов: *abri*, *boyaux* (D), **cagna* (D, Es), *calebasse* (Es), *gourbi* (D, Es), *guitoune* (D, Es). Каждое из этих слов-синонимов обладает определенным оттенком значения. Слова общего языка *abri* и *boyaux* в военном жаргоне имеют узкое употребление. On rentre dans l'*abri* en pataugeant (F, 221).

Возвращаемся в *прикрытие*, шлепая по грязи... (O, 156). Puis on redescend dans les *boyaux* (F, 382).

Мы опять спускаемся в *окопы* (O, 282).

Жаргонизм «*cagna*» более употребителен в пехоте.

Il désigne une baïonnette fichée dans la paroi près d'une entrée de *cagna* (F, 31).

Он показывает на штык, воткнутый в стенку у входа в *прикрытие* (O, 19).

«*Calebasse*» — образный синоним, употребляемый с оттенком иронии для обозначения немецких окопов. — L'était entré dans une *calebasse* où des Boches s'étaient planqués. (F, 337). — Он вошел в *прикрытие*, где спрятались боши (O, 244). Жаргонизм *calebasse* употреблен метафорически. В военном жаргоне метафора используется как средство об-

разного изображения предметов и явлений военной действительности. Жаргонизм «gourbi» употребляется, главным образом, в артиллерии. — S'il y a des *gourbis*? (F, 333). — Есть ли прикрытия? (O, 242).

Слово «guiloune» арабского происхождения, в период первой мировой войны стало означать окоп, убежище.

— ...et quanq ça tombe sur une guiloune ça tue tout le monde qu'y a dedans (F, 276) — ...

— и если попадает в землянку, поубивает всех, кто там есть (O, 196).

В романе встречаются слова *camigeotte* и *boudin*, употребленные в значении убежище, укрытие.

— J'irai, s'il le faut, déboiser jusqu'à l'os la camigeotte du poste de commandement (F, 262).

— Если понадобится, я сорву всю обшивку с офицерской землянки. (O, 185).

— Alors, faut entrer dans c'boudin? (F, 383).

— Значит, придется лезть в эту кишку? (O, 283).

Слово *soldat* также имеет целый ряд синонимов: *biff* (in) (D, Es, La Rue), *brisquard* (не зарег.), *fantaboche* (D), *griffeton*, *poilu* (D, Es), *tampon* (D), *troufion* (D), *troupiet* (не зарег.).

Широкое распространение в 1914 году получил жаргонизм *poilu*, обозначающий сражающегося солдата и имеющий антоним *embusqué* (тыловик). До войны *poilu* обозначало «храбрый человек» или «мужчина». — V'là la bête! Annonce un *poilu* qui guettait au fourneau (F, 46).

— Несут! Объявляет *солдат*, стороживший на повороте (O, 29).

Biffin обозначает солдата-пехотинца.

...mes deux phénomènes se rabourent et s'plantent devant biffins qui sortent (F, 310).

— ...а эти два чучела, батальонный с женой, останавливаются прямо перед *солдатами*... (O, 222).

Жаргонизм *brisquard* произошел от слова *brisque*, которое значит галун. *Brisquard* — это солдат с галунами.

... t'as la d'jans des collections, des jardins d'acclimatations de *brisquards* (F, 166).

— ...там целые коллекции, целые зверинцы золотогонников (O, 115).

C' que j'ai vu de plus joli en fait de *brisquard*... (F, 166).

— А вот я какого видел *ферта с галунами*... (O, 115).

В приведенных выше примерах в русском тексте дается разный перевод жаргонизма *brisquard* — золотогонник и ферт с галунами. *Fantaboche* (*fantabosse*) на военном жаргоне значит солдат-пехотинец, но это слово менее распространено, чем *biffin*.

—... et tout d'un coup, au milieu de la place et de tous les fantaboches qui l'emplissent... .

— ...и вдруг среди площади, при всем народе... (О, 223).

В данном случае русский перевод совершенно не передает оттенка французского военного жаргонизма.

В тексте встречается жаргонизм griffeton для обозначения солдата.

— Il était dur pour le griffeton F, (307).

— Он лют был с нашим братом-солдатом (О, 221).

Солдат-ординарец обозначается жаргонизмом tampon.

Y a des ordonnances, et à un moment y avait même les tampons des adjutants (F, 173)

— Есть ординарцы, вестовые, а одно время были даже денщики у фельдфебелей (О, 120).

Заметим, что в русском переводе французский военный жаргонизм tampon передан не жаргонизмом, а военным термином денщик.

И, наконец, довольно часто встречается жаргонизм troufion, который обозначает солдата вообще.

— Ils s'entendent tous pour exploiter l'troufion (F, 46).

— Они говорились выжать все южи из солдата (О, 29).

Soldat du train обозначается жаргонизмом *tringlot или trainglot, образованное при помощи уменьшительного суффикса общего языка -ot.

—... les masses grises et les gueules noires des tringlots embarquent des chevaux.. (F, 174).

— обозные солдаты по сходням ведут коней (О, 95).

Une fourragère, couverte par un tringlot (F, 117)

На передке обозной телеги сидит солдат (О, 81).

Военный термин солдат имеет своими синонимами также слова homme, gars, mec, которые выражают общее понятие человек, мужчина.

Les hommes de la classe 93 vont aller à l'arrière. (F, 111)

Солдат призыва 93-го отправляют в тыл (О, 77).

Это подтверждает еще раз, что синонимия широко распространена в военном жаргоне.

Общеупотребительное слово ружье «fusil» также имеет ряд синонимов-жаргонизмов. Самым распространенным является жаргонизм *flingot (D, La. Rue), который происходит от баварского «Flinke» и суффикса -ot.

— J'y ai fabriqué un petit flingot (F, 334).

— Я ему смастерили ружьецо (О, 242).

Жаргонизм *lance-pierre (D, ES), образованный из повелительной формы глагола lancer и существительного pierre, обозначает винтовку.

—...demain, va falloir se remettre à gratter, et d'abord, nettoyer ses frusques et son lance-pierre (F, 122).

— Ведь завтра придется опять приниматься за работу и первым делом надо будет почистить свое барахло и *винтовку* (0,85).

В данном примере переводчиком не дано соответствие: жаргонизм *lance-piege* переведен как винтовка.

Медицинский термин *seringue* (D, ES) (шприц, спринцовка) значит в военном жаргоне также ружье.

Alors on a rempli d'cartouches les magasins da nos seringues .. (F, 88)

— Тогда мы зарядили наши «хлопушки» последними патронами... (O, 59).

Штык на военном жаргоне — это «зубочистка».

— Là pendue à c'cure—dents qu'est planté ici là (F, 32).

— Здесь. Она висела вот на этой зубочистке (O, 19).

Заметим, однако, что перевод, за которым мы наблюдали, не всегда передает — всего многообразия оттенков, которые имеют французские синонимические военные жаргонизмы.

Пулемет на военном жаргоне — это и кофейная мельница, и швейная машина. Это ярко показано автором в речи солдат.

Le moulin à cafe! Un des nôtres, écoute voir; les coups sont réguliers... (F, 274)

— «Кофейная, мельница». Эта машина: треск ровный... (O, 194).

— C'est pas la machine à décourde... (F, 274).

— Это не «швейная машина» строчит... (O, 194).

В последнем примере переводчик не заметил, что автор использует каламбур, игру слов. Швейная машина — это *machine à courde*. Здесь же мы имеем *machine à décourde* — машина для расшивания, распаривания.

Как видно из приведенных примеров, в военном жаргоне богаты синонимами те слова, которые отражают солдатские будни, быт солдат⁸.

Военным жаргонизмам присуща ирония, которая проявляется в многочисленных способах выражения. Ирония звучит в словах, обозначающих офицерский состав. Адъютанта или унтер-офицера презрительно называют *juteux* (D, Es), жаргонным образованием от слова *adjudant*.

— Pourquoи que vousappelez l'adjudant le juteux? (F, 111).

— Почему вы называете фельдфебеля «кофейный»? (O, 77).

Жаргонизмы *capi*, *capit*, *capiston*, *pitaine* обозначают са-

⁸ См. подробнее: Филимонова И. Л. Особенности словарного состава и слога в произведениях Анри Барбюса. Канд. дисс. М., 1953, с. 94—139.

pitaine, но в русском переводе они переданы однозначно — капитан.

— Ah, zut alors, que dit l'capitain (F, 309).

— Тыфу! — говорит капитан (O, 222).

— Et, l'*pitaine* fait un rapport au commandant. (F, 309).

— И вот значит, капитан докладывает батальонному (O, 222).

Суффикс — *aille* придает уничижительный оттенок слову *gradaille* или *grade*, которое обозначает офицерский состав.

— ...que les peuples entiers vont à la boucherie, rangés en troupeaux d'armée... pour que gens dorés aussi, qui font partie de la même *gradaille*, brassent plus d'affaires. (F, 421).

Целые народы, выстроившись вооруженным стадом, идут на бойню для того,... и чтобы другие позолоченные люди из этой же *своловочной шайки* обделали побольше выгодных делишек, словом... (O, 314).

Таким образом, большая часть военных жаргонизмов, использованных Барбюсом в «Огне» в целях реалистического показа действительности, представляют собой общеупотребительные слова, переосмысленные солдатской массой, подвергающиеся иногда в жаргоне некоторому искажению. В «Огне» А. Барбюс мастерски воспроизвел жargon первой мировой войны, используя все его характерные особенности и основные закономерности. Вложенные в речь солдат военные жаргонизмы передают мысли, чувства, эмоции, душевное состояние солдат. Использование военного жаргона делает «Огонь» Барбюса произведением реалистическим, направленным против ужасов войны.

Заметим также, что в отличие от военных терминов, которые имеют соответствия в разных языках, военные жаргонизмы часто имеют сугубо национальный характер как в отношении формы, так и количества.

Д. М. АХУНДОВ (Баку)

ПРИНЦИП ОТБОРА ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

(на материале сопоставления вопросительных предложений
в английском и азербайджанском языках)

Родной язык при обучении иностранному языку, подчеркивают методисты, выступает в одном случае как помощник, а в другом превращается «во врага». Стимулирующее влияние родного языка на изучение иностранного принято называть переносом, а тормозящее его влияние — интерференцией. Вопрос переноса и интерференции является одной из самых важных проблем методики преподавания иностранных

языков¹. То языковое явление, которое совпадает по форме в родном и иностранном языках, должно изучаться первым. Это исходит из требования принципа от простого к сложному.

Обратимся к учебникам английского языка, составленным для азербайджанской аудитории. Здесь мы обнаруживаем определенное несоответствие в отборе грамматического материала по вопросительным предложениям. В этих учебниках изучение вопросительных предложений по традиции начинается с неместоименных вопросительных предложений, часто называемых *General Questions* или *Yes/No Questions*².

¹ Салистра И. Д. Очерки методов обучения иностранным языкам, система упражнений и система занятий. М., 1969, с. 253; Зюзенко-ва О. М. О роли родного языка при обучении иностранному.—В кн.: Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы. М., 1972, с. 287; Барсук Р. Ю. Дефиниция педагогической направленности и межпредметных связей, как основных факторов успешного ведения новых курсов учебного плана. Тезисы докладов Всесоюзного семинара по вопросам методики преподавания новых дисциплин «Теория и практика перевода. Сравнительная типология родного и изучаемого языка. Интерпретация текста на факультетах иностранных языков педагогических вузов». Ташкент, 1973, с. 28; Князева Г. Ю., Родова Л. Н. Место сопоставительного анализа в практике преподавания иностранных языков в языковом вузе. Там же, с. 63.

² Здесь и в дальнейшем английские *General Qs* или *Yes/No Qs* мы будем называть «неместоименными». Дело в том, что в последнее время термин *General Qs* путем калькированного перевода незаслуженно получает широкое употребление в разных языках (в русском, азербайджанском, узбекском и т. д.). Нам кажется, что те вопросы, которые принято считать *General Qs*, в действительности не являются общими. Некоторые авторы, когда объясняют данный термин, приходят к заключению, что такой вопрос будто бы относится ко всему предложению (подобное отношение можно найти, например, в работе польского лингвиста Яна Сыгана. См.: Sygan Jan. *Interrogation in English*. Wrocław, 1973, с. 19). Неверность такой точки зрения подтверждается следующими фактами: любой вопрос, как и неместоименный, строится на основе определенных суждений, реальность которых известна говорящему. Когда, например, мы говорим: «Did he come yesterday?» — Он приехал вчера? О, дунэн же-ли? Удируз амад? — независимо, на каком языке задается подобный вопрос, то мы исходим из того, что существует «он» и имплицитно подтверждается его приезд. Говорящему здесь нужно определить, является ли связь между речью и темой положительной или отрицательной, вернее, то, что он приехал, относится ко вчерашнему дню или нет. Поэтому на такие вопросы можно ответить: «Да, вчера», упустив «он», как известное, но нельзя ответить: «Да, он». Такие вопросы противостоят местоименным вопросам, где неизвестное разыскивается специальными словами *что*, *где*, *куда* и т. д., которые по праву называются местоименными.

Неместоименные вопросы иногда называют и *Yes/No Qs*, что тоже будет неправильно, потому что сами вопросы не являются *Yes/No Qs*, а их ответы могут быть с *Yes/No*. Если учесть, что в отдельных случаях неместоименные вопросы вообще могут требовать ответа, как и риторические вопросы, то яснее становится незакономерность ссылки на ответ при названии этих вопросов. Некоторые зарубежные англисты вместо *Special Qs* как термин употребляют *Pronominal Qs*. Так поступают, на-

которое методически себя не оправдывает. Примером подобных учебников, составленных по вышеуказанным принципам, могут быть учебники для 5-го класса средней школы³, для I курса языкового вуза⁴ и для I курса неязыкового вуза⁵. Между неместоименными вопросительными предложениями английского и азербайджанского языков существует большое типологическое расхождение. В английском языке интерrogативность сигнализируется специальным синтаксическим и фонетическим построением: порядком слов в вопросительных предложениях⁶ и повышающейся вопросительной интонацией. Например, *Have you seen him?* (Voynich E. L. The Gaafly, с. 248). Это означает, что данный вид вопросительного предложения не имеет специальных морфем, сигнализирующих вопрос, тогда как в азербайджанском языке при неместоименном вопросе может выступать эксплицитный показатель собственно искомого, специальная морфема, сигнализирующая вопрос, мы, *ми*, *му*. Например, *Жемчи жэлэр?* (Шыхлы И. Дарлар сэслэнir, с. 37). Кроме того, в азербайджанском языке данный вопрос может быть выражен только одной повышающейся вопросительной интонацией, т. е. без участия вышеуказанной морфемы. Например, *Бунлар да сизин һиссөдәндир?* (Әбулфәз А. Сәадәт мубаризләri, с. 9).

Языковые расхождения еще больше проступают в ответах на эти вопросы, потому что структуры ответов английских и азербайджанских неместоименных вопросов отличаются друг от друга больше, чем структуры самих вопросов. Это объясняется тем, что во всех случаях ответы на неместоименные вопросительные предложения в азербайджанском

пример, Крайзинга, Эрадес, Шеирвеиз, Заандвурт и др. Поэтому, употребляя этот термин, английские неместоименные вопросительные предложения можно назвать *Non Pronominal*.

³ Мусаев О., Сейидов Ф., Барсук Р., Таһиров А. Инкилис дили у Синиф учун. Бакы, 1974, с. 17.

⁴ Нагиева Н., Жәнисадә С., Попова Н., Барсук Р. Ихтисасы дили Ихтисасы инкилис дилә и олан али мәктәбин I курс тәләбәләри учун дөрслик. Бакы, 1971, с. 61.

⁵ Эһмәдова Х., Ригумская И., Рәhimov И., Иманова С. Инкилис дили, Азәртəрдриңىшр. Бакы, 1962.

⁶ В отношении синтаксического строя неместоименных вопросительных предложений английского языка существуют разные взгляды. По мнению большинства лингвистов, данная структура образуется путем инверсии. Так думают, например, О. Есперсен, Поутсма, Г. Пальмер, А. И. Смирницкий, Л. С. Бархударов, В. Е. Шевякова, Р. Л. Рейнганд и др. По мнению других, структура, присущая неместоименным вопросительным предложениям, рассматривается как нормальный порядок слов (для вопроса), где отсутствует инверсия (Н. П. Колпакова (1956), Д. Болиндженер (1957), А. И. Данилова (1958), О. И. Мусаев, Д. М. Ахундов (1968)). Такой же точки зрения придерживается и проф. Б. Ильиш.

языке содержат бэли-хејр или повторение после них (и без них) части вопросительного предложения, составляющей рему, где спрашивающий выражает свою заинтересованность. Так, на вопрос «О, дунэн жәлиб» положительно можно ответить: «Бәли», или «Бәли, дунэн», или же «Бәли, дунэн жәлиб», иногда и «О, дунэн жәлиб». А в ответе на английское неместоименное вопросительное предложение после Yes/No употребляется соответствующий вспомогательный или модальный глагол (или to be, to have) с соответствующим местоимением. Например, Will this be enough? Yes, it will. (Hornby,⁷ A. S. Book 2, p. 54).

В результате азербайджанец, изучающий неместоименные вопросительные предложения английского языка, сталкивается с совершению незнакомой для него синтаксической структурой. Именно в таких случаях со стороны изучающих допускаются характерные ошибки. Например, на вопрос Can you do it? мы получаем ответ: Yes, I am., или Yes, I do вместо Yes, I can.

Учитывая вышеизложенное, нам представляется целесообразным начать изучение вопросительных предложений английского языка с местоименного вопроса.

Такой выбор можно обосновать прежде всего полным типологическим изоморфизмом. В данном случае речь идет не о всех разновидностях местоименного вопросительного предложения, а только о тех, которые начинаются с who, whose, т. е. с вопросов, поставленных к подлежащему или к определению подлежащего. Английское нераспространенное двусоставное местоименное вопросительное предложение со структурой SP по своему синтаксическому сочетанию ничем не отличается от азербайджанского. Например, What is shining? — Нә парылдајыр? Who writes? — Ким јазыр? и т. д. Ответы на подобные вопросы легче по построению, чем ответы на неместоименные вопросительные предложения. Кроме того, в этом типе вопросительных предложений типологический изоморфизм относится не только к структуре, но и к интонации: она в обоих языках характеризуется понижением тона в конце фразы.

В отношении интонации вопросительного предложения английского языка у Яо Шена из Мичиганского университета есть интересное соображение. В статье «The English questions: Rising or Falling Intonation», опубликованной в журнале «Language Learning»⁷, он предлагает для начального этапа изучения вопросительных предложений англий-

⁷ Yao Shen. The English Question: Rising or Falling intonation, Language Learning. A Journal of Applied Linguistics. V. VI, N 3 and 4, 1956, p. 50—52.

ского языка, как иностранного, отобрать вопросы с понижающейся интонацией, являющейся более удобной, чем повышающаяся интонация.

Разделяя такую точку зрения, добавим, что для азербайджанской аудитории начальное изучение местоименных вопросительных предложений в связи с изоморфностью определенных структур имеет большее значение, чем интонация. Но если к этому добавляется и интонация, то становится одним фактом больше в пользу предложенной нами точки зрения. Точно так же можно подойти и к местоименным вопросительным предложениям с вопросом к определению подлежащего. Тут, кроме структуры самих вопросов, действует еще другое общее типологическое сходство. Как в английском, так и в азербайджанском языке определяющее слово предшествует определяемому. Данная языковая форма сохраняется и в местоименном вопросительном предложении, где вопрос поставлен к определению подлежащего. Например, *Whose sister works?*

Поэтому буквенное обозначение структуры данных вопросительных предложений одинаково для обоих языков: **W** (вопросительное слово) + **S** + **P**.

Таким образом, освоение вопросительных конструкций иностранного языка, которые аналогичны изоморфным особенностям родного языка, может создать почву для перехода к более сложным структурам, где с типологической точки зрения имеются большие расхождения.

В. А. ИВАНОВ (Чебоксары)

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Изучение имеющихся публикаций по вопросам преподавания иностранных языков в условиях чувашской аудитории дает основание рассматривать как одну из особенностей развития обучения данному предмету на современном этапе постоянный учет специфики работы в чувашской школе, который отражается прежде всего в сопоставлении языков, контактирующих в процессе обучения.

Целенаправленное сопоставление чувашского, русского и иностранного языков дает преподавателю возможность выявить характерные для чувашских школ трудности в формировании речевых навыков и умений, прогнозировать ошибки и разработать приемы их устранения. Успешному сопоставлению языков во многом способствует углубление знаний по русскому языку. Контактирование трех языков в обучении

иностранным языкам является не только особенностью работы в национальной школе, но и ее преимуществом: учащиеся и студенты приступают к изучению иностранного языка, имея опыт овладения неродным языком.

Широкое использование сравнительно-сопоставительного метода в обучении иностранным языкам основано на важном значении сравнения вообще для науки. Наукой доказано, что сравнение дает возможность постигнуть истинность той или иной выработанной мысли, ибо «для сравнительной памяти открыт горизонт, не ограниченный временем и пространством»¹, и «только благодаря сравнению познаются предметы и явления окружающего мира, их признаки и свойства»².

Сказанное о роли сравнения для научных исследований учитывается при обучении иностранным языкам в национальной школе: проводится регулярная работа по сопоставлению явлений родного, русского и иностранного языков. Это соответствует положению советской методической науки о необходимости учитывать опыт учащегося в родном языке, о смешанном или чистом двуязычии, о роли родного языка как союзника в деле усвоения иностранного языка, о положительном и отрицательном переносе из родного языка в иностранный, об уменьшении интерферирующего значения родного языка и т. д.³

Национальная специфика обучения иностранным языкам заключается в том, что творчески применяются и видоизменяются основные принципы советской методики и приспособливаются к национальным различиям. Такая необходимость полностью совпадает с указанием В. И. Ленина «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое...»⁴. Правда, следовательно, на стороне тех методистов, которые считают национальные особенности не помехой прогресса методической науки, а ее богатством. Именно поэтому, как отмечает известный чувашский педагог профессор Г. Н. Волков, советская школа под-

¹ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 359.

² Данилов М. А., Есипов Б. П. Диадактика. М., 1957, с. 140.

³ См.: Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947, с. 57; Рахманов И. В. Взгляды академика Щербы Л. В. на методику обучения иностранным языкам.—В кн.: Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам. М., 1947, с. 242; Карпов И. В. О методике синтетического исследования в обучении иностранным языкам.—В кн.: Вопросы психологии и методики обучения иностранным языкам. М., 1947, с. 216—233; Салистра И. Д. Очерки методов обучения иностранным языкам. М., 1966, с. 102; Миролюбов А. А. Основные вопросы методики преподавания иностранных языков в советской школе.—«Иностранные языки в школе» (ИЯШ), 1962, I, с. 60.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

держивает, сохраняет и культивирует все прогрессивные национальные традиции, придавая им интернациональный характер и усиливая тем самым их роль в коммунистическом воспитании⁵. Методика обучения иностранным языкам своим подходом к данной проблеме подтверждает, что все народы нашей страны со специфически национальными, локальными элементами вносят вклад в развитие советской многонациональной культуры, в свою очередь, культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер⁶.

Толчком для разработки актуальных вопросов обучения иностранным языкам в чувашской школе послужила работа известного советского методиста профессора В. Д. Аракина «К методике постановки английского произношения в чувашских школах (в связи с особенностями фонетической системы чувашского языка)»⁷. Практическое применение в чувашской школе нашли следующие фонетические явления, освещенные в статье: отсутствие в фонетическом составе чувашского языка долгих фонем, отсутствие в английском языке характерной для чувашского языка «гармонии гласных», расхождение почти всех английских гласных с чувашскими в артикуляционном отношении, необходимость введения в первую очередь английских дифтонгов, отсутствие в чувашском языке звонких согласных фонем, отсутствие в чувашском языке слов с начальным и конечным звонким гласным. Автору удалось описать участие голоса в произнесении звуков речи, продемонстрировать воспроизведение звуков учениками, охарактеризовать тренировочный процесс произнесения звуков, выявить своеобразность палатализации, роль гласного корня слова в чувашском языке. Ценным для чувашской школы было указание на необходимость овладения твердой артикуляцией английских звуков перед или после мягких согласных, важность объяснения глухих согласных в интервокальном положении, отталкиваясь при этом от хорошо известных в чувашском языке долгих глухих согласных.

Пути преодоления трудностей обучения английскому произношению чувашских детей, указанные В. Д. Аракиным, легли в основу дальнейших исследований вопросов об особенностях обучения иностранному языку в школах республи-

⁵ Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1974, с. 39.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, с. 115.

⁷ Аракин В. Д. К методике постановки английского произношения в чувашских школах (в связи с особенностями фонетической системы чувашского языка). — ИЯШ, 1949, № 5, с. 68—74.

ки. Сравнительно-сопоставительная работа доказывает необходимость исходить из явлений родного языка как самого близкого и знакомого. В ряде случаев усвоение произношения и грамматики от сопоставления с чувашским языком только выигрывает. Множество примеров свидетельствует о важности своевременно связывать новый фонетический, грамматический и лексический материал с родной языковой базой учащихся⁸.

Учет особенностей гласных и согласных звуков в английском языке по сравнению с чувашским оказывает большую помощь в овладении сложной фонетической системой английского языка, например, при усвоении таких явлений английского языка, как отсутствие палатализации, оглушения конечных звонких и удлинение согласных, долгота и краткость гласных, выпадение или изменение гласных в неударных слогах, слитность звуков в дифтонгах английского языка⁹.

Учащиеся-чуваши часто унифицируют гласные слова по признаку ряда в результате влияния закона гармонии гласных (сингармонизма). Нередки случаи устранения стечения гласных при помощи вставных [j], [v]. Наблюдается замена английских дифтонгов в комбинациях с последующим редуцированным [ə] чувашскими [ай], [ей], [ой], а также йотирование на произношение [e:] в абсолютном начале слов¹⁰.

При обучении произношению английских согласных рекомендуется обращать особое внимание на овладение более сильной звонкостью [b], [d], [g], [z]; межзубностью переднеязычных [θ], [ð]; использование придыхательных [p], [t], [k] в начале слов, начальных двухчленных [ks], [ps], двухгубных [b], [m], [p] в начале слов с последующими гласными переднего ряда, овладение механизмом соединения [bj], [dj], [mj], [nj], [ŋ], [tr], [ts], [pj], [tʃ], [bl], [br], [gr], [tw], [kw], [spl] и т. п., сцепления согласных в серединных сочетаниях, например, [br], [dr], [tr], [mt], [ksp], [ktr] и т. п., конечных двухфонемных [mp], [lk], [mt] и т. п., соединение согласных в конечных двух-, трех-, четырехчленных сочетаниях типа [ft], [fs], [lf], [ls], [ps], [mps], [mpts] и т. п. Перечисленные трудности выявлены при

⁸ Федоров М. Я. Немецкий язык в чувашской школе. Чебоксары, 1948.

⁹ Иностранные языки в чувашской школе. Чебоксары, 1959, с. 35—45.

¹⁰ Петров Г. П. Работа по преодолению трудностей в произношении английских гласных и согласных в чувашской школе. Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1971; Работа над произношением на начальном этапе обучения английскому языку в чувашской школе. Чебоксары, 1970.

отработке согласных в потоке речи¹¹. Трудностью для чувашских учащихся является также звук [η] в конечной позиции¹². К сказанному об обучении произношению английских звуков в чувашской аудитории необходимо добавить, что самую большую трудность представляют консонантные сочетания¹³.

При постановке произношения немецких звуков в чувашских школах учитываются следующие особенности немецкого языка: отсутствие долгих согласных, разница в количестве гласных и согласных фонем по сравнению с чувашским языком, фонематичность открытых и закрытых гласных, наличие звонких и глухих согласных, отсутствие палатализации, характерность твердого приступа гласных в начале слова и слога, придыхательность глухих шумных согласных под влиянием гласных переднего ряда в немецком языке¹⁴.

Чувашскими исследователями проделана определенная работа по сопоставлению падежной системы немецкого и чувашского языков, в результате которой выявлено следующее: функция именительного падежа в немецком как предиката (в чувашском — сказуемого); обозначение лица или предмета, на которое ориентировано действие, дательным падежом (в чувашском — дательно-винительным); выражение принадлежности родительным падежом (в чувашском — и притяжательным). Обозначение лица или предмета, которое является непосредственным объектом действия, винительным падежом (в чувашском — дательно-винительным и основным); указание места, куда направляется предмет, и пространства, на которое распространено действие, винительным падежом с предлогом (дательно-винительным в чувашском); употребление дательного падежа с предлогом для обозначения местонахождения предмета (в чувашском оно выражается местным падежом)¹⁵.

На основе сопоставления частей речи в чувашском и немецком языке установлено, что категория определенности и неопределенности в немецком языке выражается артиклем (в чувашском — лексико-грамматическими средствами); в

¹¹ «Ученые записки ЧГПИ». Вып. XXX. Чебоксары, 1970, с. 67—82.

¹² «Ученые / записки Горьковского педагогического института иностранных языков им. Н. А. Добролюбова. Вопросы английской филологии». Горький, 1972, с. 142—150.

¹³ «Вопросы методики преподавания иностранных языков в школе и вузе. — «Ученые записки № 392 МГПИ им. В. И. Ленина». М., 1970, с. 119—129.

¹⁴ «Ученые записки 1-го МГПИИЯ». М., 1954, т. VIII; Зерняев Е. М. Обучение немецкому произношению в чувашской школе. Чебоксары, 1970.

¹⁵ Зерняев Е. М. Методика обучения склонению имен существительных немецкого языка в 5 классе чувашской школы. Чебоксары, 1958.

немецком языке имеется грамматически выраженная форма рода (в чувашском — отсутствует); немецкие прилагательные в функции определения согласуются с именем существительным в роде, числе и падеже (а чувашские прилагательные не изменяют своей морфологической структуры и призывают к существительным); для образования превосходной степени прилагательных в немецком языке распространены синтетические формы (а в чувашском — аналитические); третье лицо единственного числа имеет три личных местоимения в немецком языке (а в чувашском одно); склонение немецких личных местоимений характеризуется супплетивностью (в чувашском это явление отсутствует); немецкие предлоги занимают в основном позицию перед существительными (в чувашском языке они выступают послелогами). Для немецкого языка характерны многотипность спряжения глаголов (в чувашском языке один тип); преобладание аналитических способов в формообразовании глаголов (в чувашском распространены синтетические формы); распространность страдательного залога (в чувашском языке он передается активным залогом); распространность конъюнктива в косвенной речи (в чувашском языке он передается сослагательным наклонением), наличие шести временных форм (в чувашском — семь). Для чувашского языка не характерны распространность субстантивированных инфинитивов; наличие модальных глаголов; образование производных глаголов при помощи приставок и суффиксов, чередование гласных в корне глагола, глагольность сказуемого; двусоставность предложения; строгость порядка слов; распространность придаточных предложений¹⁶.

Разработаны некоторые методические указания к изучению немецких дифтонгов в чувашской школе. Важность этого вопроса объясняется отсутствием дифтонгов в чувашском языке. Однако в чувашском языке есть сочетания, которые состоят из двух самостоятельных фонем¹⁷. Сопоставлению подвергаются и интонационные средства в чувашском и немецком языках. Ударение, паузы, мелодика помогают различить единицы речи, выделить в предложении важное понятие и выразить тот или иной оттенок мысли. Общим для

¹⁶ Федотов М. Р. Изучение немецкого глагола в чувашской школе. Чебоксары, 1957; Изучение немецкого синтаксиса в чувашской школе. Чебоксары, 1958; К вопросам изучения некоторых частей речи немецкого языка в чувашской школе. Чебоксары, 1959; Зерняев Е. М. Методика обучения спряжению глаголов немецкого языка в чувашской школе. Чебоксары, 1961.

¹⁷ Журнал «Халăха вёрентес ӟç». Чебоксары, 1959, с. 40—41.

немецкого и чувашского языков является характер слогового ударения: динамичность, экспираторность, подвижность. Особое внимание обращается на правила ударения в немецком и чувашском языках. Учитывается, что в противоположность чувашскому, в немецком языке между ударениями и неударяемыми слогами имеется резкая разница, потому и речь является резкой и отрывистой в отличие от певучей, плавной чувашской речи. В чувашском языке как вид фразового ударения очень развито эмфатическое ударение, которое усиливает эмоциональную сторону слова и связано с удлинением ударного гласного.

При развитии навыков чтения и разговорной речи в чувашской школе учитываются следующие правила: 1) в простом нераспространенном предложении с подлежащим, выраженным существительным с определенным артиклем, главное ударение падает на сказуемое; 2) в простом нераспространенном предложении с подлежащим, выраженным существительным с определенным артиклем, главное ударение падает на сказуемое; 3) подлежащее, выраженное личным местоимением, не несет ударения; 4) в сложных времененных формах главное ударение несет смысловой глагол; 5) в составном именном сказуемом ударение падает на именную часть сказуемого; 6) в простом распространенном предложении более сильное ударение имеют дополнение и обстоятельственные слова; 7) определение несет более слабое ударение, чем определяемое слово; 8) служебные слова, т. е. связки, союзы, предлоги, как правило, не несут ударения. В отношении паузы учащимся сообщается, что в немецком языке подлежащее с относящимися к нему словами отделяется от сказуемого паузой; подлежащее, выраженное именем собственным, составляет обычно отдельную ритмическую группу; перенос ударяемой глагольной приставки и неизменяемой части сказуемого на конец предложения не дает возможности образовать несколько ритмических групп внутри такого предложения.

Что касается мелодики, то учащиеся запоминают, что повествовательное утвердительное предложение характеризуется понижением тона; в предложениях с вопросительным словом наблюдается понижение тона, в предложении же без вопросительного слова — резкое повышение тона на слове с фразовым ударением; мелодика повелительного предложения характеризуется понижением тона, как и мелодика восклицательного предложения.

Устанавливаются следующие ошибки чувашских учащихся в интонации немецкого языка: 1) перенос ударения на последний слог слова; 2) недостаточно резкое разграничение ударных и безударных слогов; 3) постановка ударения на

втором слове при произношении сложных слов; 4) постановка ударения на артикли, личные местоимения, служебные слова; 5) неправильное воспроизведение ударения в словах с приставками; 6) постановка паузы после каждого слова, в том числе и после служебных слов; 7) постановка паузы после глагольного сказуемого или после связки; 8) повышение тона в вопросительном предложении без вопросительного слова не на слове, несущем фразовое ударение, а на последнем слоге последнего слова¹⁸.

Изложенное выше позволяет заключить, что чувашскими исследователями проведена определенная работа по сопоставлению чувашского, русского и иностранного (немецкого и английского) языков¹⁹ с целью выявления характерных для чувашской аудитории трудностей в овладении иностранным языком и разработки эффективных путей их преодоления. Сопоставление контактирующих языков исходит из характерной для советской школы тенденции учитывать конкретные условия обучения и свидетельствует о возможностях использования опыта обучающихся в овладении иностранным языком при обучении иностранному языку, т. е. контактирование трех языков является не только особенностью обучения иностранному языку в национальной школе, но и ее преимуществом. Таким образом, когда в распоряжении обучающихся три языка, — это настоящее богатство и для учителя, и для учащегося. Содружество родного, русского, иностранного языков становится ключом познания отечественного и зарубежного духовного богатства. Знание иностранных языков не ведет к недооценке русского и родного языков, наоборот, овладение ими — одно из средств более полного овладения как русским, так и национальным языком.

Е. С. КРАСНОВА, Ю. В. СИПАЕВ (Чебоксары)

О ПРОВЕДЕНИИ ВСТУПИТЕЛЬНОГО ЭКЗАМЕНА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (К анализу типичных ошибок чувашей)

Около полутора десятка лет школьные и вузовские программы обучения иностранным языкам уделяют особое внимание практическому овладению им: «Читать вслух иностран-

¹⁸ Журнал «Халăха вĕрентес ёç». Чебоксары, 1959, с. 42—47.

¹⁹ Пока ждут своего исследования вопросы преподавания французского языка в условиях чувашской аудитории, хотя учителя школ и преподаватели вузов ощущают острую необходимость в соответствующей методической помощи.

ный текст, соблюдая основные правила чтения; читать про себя с пониманием содержания текст, построенный на знакомом материале и содержащий незнакомые слова; понимать речь на иностранном языке (и в звукозаписи), построенную в основном на изученном лексико-грамматическом материале; делать небольшие сообщения на иностранном языке и принимать участие в беседе в пределах изученного лексико-грамматического материала и тематики, предусмотренной программой¹.

Форма и содержание вступительного экзамена определены требованиями школьной программы. В общих указаниях к «Билетам для вступительных экзаменов за курс средней школы на 1974/75 учебный год» говорится, что «на экзамене по иностранному языку проверяется практическое владение учащимися устной речью на иностранном языке,... умение самостоятельно с помощью словаря прочесть и перевести несложный иностранный текст. Навыки произношения, владение учащимися лексическим минимумом, знание правил выявляются в процессе чтения текста и устного сообщения учащегося на предложенную тему»².

На вступительных экзаменах по иностранному языку на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова билеты содержат два вопроса. В первом вопросе билета предлагается чтение и перевод незнакомого текста со словарем (перевод устный из расчета 1100 печатных знаков в академический час). Во втором вопросе билета предусматривается устное сообщение учащегося по одной из тем, разработанных Министерством просвещения РСФСР³. Тема сообщается абитуриенту одновременно с получением билета. Тема и ситуации записаны на русском языке.

Тексты для чтения подбираются членами экзаменационной предметной комиссии из различных источников: из книг для чтения, из газет «Московские новости» на соответствующем языке, «Нейес Дейчланд», журнала «Век XX и мир», вузовских учебников. Это законченные по смыслу отрывки, соответствующие по трудности требованиям программы за курс средней школы.

Сообщения на иностранном языке соответствуют темам выпускных школьных экзаменов. В билетах даются подтемы, мотивы и различные ситуации. Например, тема «Школа»

¹ Программа средней школы «Иностранные языки». М., «Просвещение», 1973.

² Программы вступительных экзаменов для поступающих в высшие учебные заведения СССР в 1975 году. М., «Высшая школа», 1975.

³ Билеты для выпускных экзаменов за курс средней школы на 1974/75 учебный год. М., «Просвещение», 1975.

дает подтему «рассказать о своей трудовой деятельности в школе»; «Наш город» — «рассказать о достопримечательностях Москвы, Лондона, Берлина, Дрездена и любого другого города, расспросить друга о Москве»; тема «Страна изучаемого языка» включает в себя такие фрагменты, как «рассказать о географическом положении страны изучаемого языка», «расспросить об одной из замечательных дат в жизни страны» и т. д.

Экзаменационные темы охватывают несколько смежных тем. Например, тему «Выходной день» невозможно изложить без темы о рабочем дне, спорте, семье, поездке и других. Это дает возможность сделать обобщенное высказывание по теме в пределах изученного лексико-грамматического материала. Предлагаются различные ситуации, и высказывания не носят характера стереотипного повторения прошлого опыта, а по-новому решается переход к теме.

Если отвечающий недостаточно полно раскрыл предложенную ему тему, экзаменатор задает несколько последовательных вопросов по ней. Так, абитуриенту, сумевшему сказать 2—3 предложения о своем селе, задаются такие вопросы: «Где расположено село? Есть ли река, лес поблизости? Сколько примерно домов в селе? Есть ли средняя школа, больница, библиотека, клуб в селе? Далеко ли село от Чебоксар? Как добраться до села?».

При высказывании по темам об одном из выдающихся деятелей культуры СССР (Англии, ГДР, Франции, Чили), об исследовании космоса, о том, как советский народ отстаивал свою Родину в годы Великой Отечественной войны, и т. д. оценивается не столько эрудиция абитуриента, сколько умение грамотно излагать свои мысли на иностранном языке.

Результаты экзаменов последних лет показывают, что в ряде школ Чувашской республики учителя иностранных языков добились определенных положительных результатов (в Чебоксарских школах № 1, 11, 23, 34, в Новочебоксарской школе № 1 и в некоторых других школах). Учащиеся более свободно ориентируются в чтении текста без словаря, замечается меньшее стремление полностью записывать перевод. Заметно свободнее и более грамотно излагают свои мысли на иностранном языке по предложенной теме. На поставленные вопросы экзаменатор получает исчерпывающие ответы. Учащиеся хорошо излагают темы: «Мой родной город», «Новая квартира друга», «Наша страна».

Однако выпускники ряда сельских школ, некоторых школ г. Чебоксары (№ 2, 12), Порецкой школы, Шумерлинской школы № 2, Маринско-Посадской школы № 2 показали низкий уровень подготовки по английскому языку: выпускники

Кольцовской средней школы, Ефремкасинской средней школы — по немецкому языку.

На вступительных экзаменах по иностранному языку поступающие допускают ряд ошибок, которые являются общими для многих выпускников школ. Эти ошибки мы сгруппировали по принципу языковых и речевых.

Наиболее типичными произносительными ошибками при чтении являются несоблюдение долготы и краткости (например, «*this—these*», «*dip—deep*» в английском языке и «*der Staat—die Stadt*» в немецком), отсутствие приыхания у согласных k, p, t (например, *der Tisch, das Kind, der Platz* в немецком языке), оглушение звонкого согласного в английском языке (*his, has, bag*), озвончение конечного глухого под влиянием последующего звонкого в немецком языке (например, «*Bist du Schüler?*»), смягчение согласных (например, в словах *das Tier, der Kern*), произношение звука [y:] как [u:] (*der Schüler*). Озвончение буквы «β» (в словах «*heiben*», *die Straße*), произношение редуцированного [Э] как [e] в окончаниях немецких глаголов (например, *machen, fragen*) являются наиболее типичными в речи выпускников сельских школ, в которых преподавание ведется на чувашском языке.

Ряд поступающих допускает графемно-фонемные ошибки. Они читают немецкие буквосочетания «*ck*» как два звука [s] и [k] (например, в слове «*die Ecke*»), путают буквосочетание «*ie*» с дифтонгом «*ei*» («*wieder*» читают как «*weider*»), не различают при чтении буквосочетания *chs* и *sch* (*wachsen—waschen*).

При чтении английского текста допускается много ошибок на правила чтения гласных в открытом слоге и дифтонгов. Например, слово «*climate*» читают (klimat) вместо (klaimit) или «*ago*» как ('ago), а не (ə'gou).

Вызывает трудности произнесение межзубных звуков [η] и [w]. Наблюдаются неправильное ударение в словах, например, *everybody, architect, examination*. Техника чтения у многих далеко не совершенна. Не делят предложения на синтагмы, отсутствует смысловое ударение. Например, читают так: „*Everybody (coming to) London (for the) first time wants to see) St. Paul's Ca'hedral*“ вместо „*Everybody (coming to London for the first time) wants to see) St. Paul's Cathedral*“.

Путают слова, близкие по звучанию. Например: «*In the evening I wash T. V.*» (вместо *watch*) или «*I take a bad* (вместо «*bag*») *and go to school*». А роман Б. Апица «*Nackt unter Wölfen*» («Голый среди волков») был переведен абитуриенткой К. как «*Обнаженный среди народа*» (*der Wolf—das Volk*).

Ошибки абитуриентов, связанные с употреблением слов в немецком языке, возникают чаще всего из-за неумения выбрать правильный вариант синонимического ряда. «Ich verließ meine Kindheit...» (вместо «Ich verbrachte...»).

На возникновение некоторых ошибок в употреблении предлогов влияет русский язык (*in diesem Tag, mit 1958, durch fünf Tage* и др.) вместо (*an diesem Tag, seit 1958, in 1958, in fünf Tagen*). *I get up in 7th* (вместо *at 7*). *I go in bus in the library*, (вместо *I go by bus to the library*).

Переводя текст, абитуриенты допускают большое количество ошибок при нахождении значения слов в словаре, часто употребляя слово без связи с контекстом. Так, например, предложение «He can put it on the shelf» переводят «Он положил бидон, нет жестянку, на полку» или «His book gap into many editions» переводят: «Его книга бежала, нет вбежала, лучше—попала ко многим издателям?» вместо «Его книга выдержала много изданий». «A number of books», переводят «номер книги». «He will go on working» переводят «Он пойдет на работу», а не «Он продолжит работу».

Неправильно переводят устойчивые фразеологические сочетания. Так «In order to pass the examinations...» — переводят «в порядке сдачи экзаменов» вместо «для того, чтобы сдать экзамен», или «As well as», — «He as well as his brother can do it» — переводят «Он может сделать это так же хорошо, как и его брат» вместо того, чтобы перевести «Он также, как и его брат, может сделать это».

Наибольшее количество типичных грамматических ошибок возникает в системе глагола. Поступающие с трудом различают временные формы и залог. Предложения «Die Faschisten haben die Stadt zerstört» и «Die Stadt wurde von den Faschisten zerstört» многие отвечающие переводят совершенно одинаково. «He has built many buildings» переводят «Он строил (вместо «построил») много зданий». «They were asked to complete the preparations...». — «Они попросили закончить» (а не «их попросили закончить»)... «They wanted us to see the new University building» — «Они хотели нас увидеть у нового здания университета», а не «Им хотелось (они хотели), чтобы мы увидели новое здание университета».

Слабы знания инфинитивных и причастных оборотов. Предложение «Viele Menschen kommen nach Uljanowsk, um die Stadt zu sehen, wo Lenin geboren wurde» было переведено как «Многие люди приезжают в Ульяновск и осматривают (вместо «чтобы осмотреть») город, где родился Ленин». Большие трудности вызывает перевод конструкции «haben, sein + Infinitiv с «zu» в немецком языке. Наблюдаются противоречие между теоретическими знаниями модальных глаголов и их практическим применением. Например, «they

will have to decide how to finish the work in time» переводят «Они будут решать, они решат....», а не «Они должны будут решать», хотя отвечают, что «to have to» является эквивалентом модального глагола «must». Выпускники забывают об изменении притяжательного местоимения «sich» при спряжении глаголов немецкого языка. Например, «Ich habe sich (вместо mich) gewaschen». Неожиданно вызывал трудности перевод местоимения «man» с глаголом. Предложения «Man arbeitet hier» многие переводили как «Они здесь работают» или «Мы здесь работаем», но не «Здесь работают». Очень часто отвечающие не могли разобраться в структуре сложно-подчиненного предложения, не умея по формальным признакам выделить придаточное предложение и переводя сложно-подчиненное предложение как ряд самостоятельных предложений.

Многие не знают порядка слов в утвердительном и вопросительном предложении, опускают вспомогательный глагол и глагол-связку. Например: «Where you work?» вместо «Where do you work?», «London the capital of Great Britain» (вместо «London is the capital...»).

При переводе некоторые отвечающие сохраняют порядок слов немецкого предложения. «Wir haben den Faschismus besiegt, weil wir für eine gerechte Sache kämpfen» — «Мы фашизм победили, потому что мы за правое дело боролись». Слабы знания управления глаголов немецкого языка. «Ich interessiere mich mit (вместо «für») Musik». Частой ошибкой является употребление артикла перед географическими наименованиями среднего рода в немецком языке (das Moskau, das Berlin).

Много ошибок наблюдается при ответах на вопросы преподавателя и при устном высказывании на иностранном языке. Недостаточно усвоены числительные, даты. Поступающие путают числительное 17 и 70, 18 и 80 и т. д. Говорят «I am seventy» (вместо «seventeen»), «Der neun Oktober» (вместо «der neunte Oktober»). Допускают большое количество ошибок на степени сравнения прилагательных. «Berlin ist die größte Stadt der DDR». — «Берлин — большой (вместо «самый большой») город ГДР».

В специальных вопросах не узнают вопросительные слова и дают неправильный ответ. На вопрос «What school did you finish?» отвечают «I finished school in...». Некоторые абитуриенты, едва поняв вопрос, отвечают по-русски. Экзаменатор спрашивает: «How many years have you studied English?» отвечают: «Сколько? 5, 6? Да, правильно — 6 лет».

На общие вопросы знают одну форму ответа: «Yes, it is» или «No».

„Do you like to go for sports?“ — Yes, it is“ (вместо „Yes, I do“).

В школе уделяют недостаточное внимание обучению аудированию. Не слушаются записи речи разных дикторов, речь других преподавателей иностранного языка данной школы. Учащиеся привыкли слушать речь только своего преподавателя и часто плохо воспринимают вопросы экзаменаторов. Один и тот же вопрос приходится повторять несколько раз.

Ниже приводится один из ответов на поставленный вопрос, который, к сожалению, очень часто можно услышать на вступительном экзамене.

Экзаменатор: «Does your aunt live in Cheboksary?».

Абитуриент: (повторяет вопрос монотонно, останавливаясь после каждого слова, чтобы лучше осмысльть) «Does/your aunt live...»/ «Live» — что это? Жить? Да, жить. Повторите, пожалуйста, вопрос еще раз».

Экзаменатор повторяет вопрос более медленно (1 или 2 раза).

Абитуриент: «Я не знаю слова [ə:n̩t]. Как оно переводится?».

Экзаменатор: «aunt» — «тетя».

Абитуриент: «Ах, тетя! Да, она живет в Чебоксарах». «Yes, it is», — (заканчивает с ошибкой ответ по-английски).

Некоторые абитуриенты быстро и четко отвечают заученные в школе темы, но не могут ответить на самые простые вопросы экзаменатора (как указывалось выше), не могут выразить свою мысль на английском языке, выразить свое отношение к фактам по определенной теме, в новой ситуации. Говорят заученными фразами, не могут пользоваться речевыми образцами, варьировать ими. Языковый материал школьной программы усвоен недостаточно хорошо, активный запас довольно беден, речь упрощена. В школах мало уделяется внимания речевым упражнениям и неподготовленной речи. Неумение сочетать в высказывании лексико-грамматический материал различных тем приводит к тому, что на экзамене абитуриенты заменяют тему, указанную в билете, темой, близкой по смыслу, темой, заученной в школе. Иногда выпускники школ полностью записывают рассказ по теме и зачитывают его, а не рассказывают. Так, например, по заданию рассказать о том, как они проводят выходной день, рассказывают о режиме буднего дня. Или вместо того, чтобы рассказать, что они знают об исследовании космоса, абитуриент повествует об одном из космонавтов. Высказывания по устной речи на немецком языке не всегда логически выдержаны. Отвечающие часто отклоняются от темы. Напри-

мер, высказывание абитуриентки Ф. об общественно полезном труде выглядит следующим образом:

„In der Schule war ich Redakteur der Wandzeitung. Unsere Wandzeitung hieß „Прожектор“. Die Zeitung erzählte über unser Schulleben. Es gab in der Zeitung eine Humor-Ecke und viele Bilder“.

Рассказ об общественно полезном труде в школе превращается в рассказ «Наша стенгазета».

Ряд тем требует задать вопросы собеседнику. Очень часто эти вопросы бессистемны, логически не связаны, лексически бедны и примитивны по содержанию. Например, абитуриентка К. должна была расспросить ударника коммунистического труда о его работе и его общественной деятельности. Она составила следующие вопросы по данной теме:

1. Wie heißen Sie?
2. Wo arbeiten Sie?
3. Sind Sie verheiratet?
4. Wieviel Kinder haben Sie?

Следует также отметить в целом медленный темп чтения и говорения на иностранном языке.

За последние годы заметно улучшилась подготовка по иностранному языку выпускников средних школ. Они более грамотно отвечают на вопросы, свободнее излагают мысли на иностранном языке, значительно лучше читают тексты.

Однако следует отметить, что общая подготовка по иностранному языку остается довольно низкой.

Ответы абитуриентов являются объективными показателями уровня владения навыками и умениями, которые зависят от того, насколько эффективно велось обучение иностранному языку в школе. Несмотря на единые требования программы, наличие единых учебников, к учащимся в школах предъявляются неодинаковые требования и используются не все эффективные методы и приемы обучения иностранным языкам. Технические средства обучения, высокий уровень языковой и методической подготовки преподавателя, являются гарантией хорошей подготовки учащихся.

Нам, преподавателям вуза, необходимо постоянно проводить большую работу со слабо подготовленными студентами по коррекции языкового материала. На первом этапе при проведении коррективных занятий необходимо обратить особое внимание на отработку навыков правильного произношения, закрепление навыков чтения и устной речи, тщательно повторить грамматические структуры в рамках школьной программы.

ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ В СТАНОВЛЕНИИ РЕЧЕВОГО МЕХАНИЗМА ТРИЛИНГВА

В сложном речевом механизме ученика, обучающегося третьему языку в условиях чувашской школы, функционируют разнообразные коды: код первого (родного) языка (КПЯ), код второго (русского) языка (КВЯ), код третьего (иностранных) языка (КТЯ) и предметно-изобразительный код (КПИ)¹. По генезису КПИ у учащихся-билингвов является разнообразным. В результате интериоризации внешних вербальных действий у них возникает и продолжает расширяться инвентарь данного кода².

Можно предположить, что в дошкольный период это осуществляется на базе кода родного языка. По мере овладения вторым языком (ВЯ), т. е. по мере перехода на обучение на русском языке, формирование КПИ сначала происходит совместно на базе ПЯ и ВЯ, затем ВЯ постепенно начинает освобождаться из-под власти ПЯ (беспереводная речемыслительная деятельность)³. Вполне возможно, что при образовании новых элементов и новых ситуативно-ассоциативных связей КПИ в ходе овладения иностранным языком КТЯ находится во взаимодействии с КПЯ и КВЯ.

В речемыслительном процессе на ПЯ или ВЯ структуризация связей слов ПЯ или ВЯ при осуществлении перехода от смысла к значениям⁴ происходит в соответствии с функциональными сферами действий этих языков в речевой деятельности учащихся. Вероятно, в этот процесс КВЯ подключается в тех случаях, когда тема речевого общения входит в сферу функционирования ВЯ (учебная деятельность и вопросы, связанные с содержательной стороной школьных предметов, и т. д.), так как восприятие учебной информации в школе осуществляется на ВЯ.

По мере накапливания связей слов ВЯ в рецептивных и репродуктивных видах речевой деятельности, по мере обогащения лингвистического опыта учащихся ВЯ освобождается из-под влияния ПЯ. Следовательно, осмысление речевой информации начинает постепенно осуществляться на ВЯ. Раз-

¹ Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., Изд-во АПН СССР, 1968.

² Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., «Просвещение», 1968.

³ Расулов Р. М. Этапы развития русской речи у учащихся-азербайджанцев с точки зрения ее взаимодействия с родной речью. — «Ученые записки АПИ языков им. М. Ф. Ахундова». Вып. IV. Баку, 1957.

⁴ Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М., Изд-во МГУ, 1970.

умеется, этот процесс является длительным и в зависимости от действия конкретных факторов языковой ситуации проходит по-разному.

А как взаимодействует КТЯ с остальными кодами, как идет его становление? Известно, что в чувашских школах обучение ТЯ, как и всем другим предметам, ведется на языке-посреднике⁵. Учащиеся занимаются на русском языке и по учебникам, написанным для русских школ РСФСР. В этих случаях средством презентации языковых единиц, общения с классом является русский язык. В речевом механизме учащихся-билингвов получается чрезвычайно сложная ситуация взаимодействия кодов. Для выяснения характера этого взаимодействия нами был проведен ассоциативный эксперимент. Материалом эксперимента служили: предметные картинки (КПИ), слова на ПЯ (конкретные существительные, названия цветов, числительные, дни недели, термины родства), слова на ВЯ (тех же групп, что и на ПЯ). Группы испытуемых состояли из учащихся 5, 8, 9 классов чувашских школ, слушателей подготовительного отделения и студентов I, II и III курсов факультета иностранных языков Чувашгоспединститута.

Испытуемым предъявлялись вышеуказанные стимулы в разной последовательности. Им предстояло назвать соответствующее слово на иностранном языке. Время реакции измерялось ручным секундомером. Задержки с ответом свыше 10 секунд исключались из протоколов. Всего было зарегистрировано 1380 реакций.

Результаты эксперимента подвергались статистической обработке. Были подсчитаны общие показатели минимального, максимального и среднего времени реакций по отдельным типам стимулов (табл. 1).

Таблица 1
Сводные показатели времени реакций по типам стимулов

Тип ассоциаций	Время реакций		
	минимальное	максимальное	среднее
ВЯ—ТЯ	0,9 с.	2 с.	1,4 с.
ПЯ—ТЯ	1,3 с.	2,2 с.	1,4 с.
КПИ—ТЯ	1,7 с.	2,3 с.	2 с.

⁵ Барсук Р. Ю. Учет лингвистического опыта при отборе материала программируемого обучения иностранным языкам в условиях билингвизма. Тезисы докладов к Всероссийской конференции по программированному обучению языкам в условиях билингвизма. 26—28 июня 1973. М., 1973.

Среднее время реакций по каждой экспериментальной группе также представляет неодинаковую картину (табл. 2).

Таблица 2
Среднее время реакций по экспериментальным группам

Экспериментальные группы	Время реакций		
	КПИ	КВЯ	КПЯ
5 класс Кугесская СШ	1,9 с.	1,3 с.	2 с.
5 класс Чебоксарская СШ № 6	2,1 с.	1,9 с.	2,6 с.
8 класс Кугесская СШ	2,3 с.	2 с.	2,2 с.
9 класс Кугесская СШ	1,8 с.	1,3 с.	1,9 с.
Подготовительное отделение ЧГПИ	1,7 с.	1,1 с.	1,9 с.
I курс ЧГПИ	2,1 с.	0,9 с.	1,3 с.
II курс ЧГПИ	1,8 с.	1,4 с.	1,9 с.
III курс ЧГПИ	2,1 с.	1,2 с.	1,9 с.

Данные эксперимента показывают следующее.

Ассоциация КВЯ—КТЯ имеет минимальные показатели. Связи слов «английский язык — русский язык» легко актуализируются во всех классах и группах, так как усвоение слов ТЯ осуществляется через русский язык.

В 5-х классах связь КПИ—КТЯ имеет меньшие показатели чем КПЯ—КТЯ. Объясняется это тем, что слова иностранного языка здесь преимущественно усваиваются на основе непосредственной (предметной и картинной) наглядности. В вербальном мышлении у пятиклассников роль КПИ весьма значительна.

В речемыслительной деятельности учащихся-старшеклассников и у студентов вузов КПИ играет намного меньшую роль. Кроме того, и в обучении иностранному языку на данном этапе внешняя наглядность имеет ограниченное применение.

При предъявлении слов ТЯ и картинок испытуемые сначала вспоминают слова ВЯ. Проявляется это в непроизвольном произнесении русского эквивалента требуемого английского слова вслух, шепотом, задержкой в ответе. Сами учащиеся это объясняют тем, что они вспоминают, «как это бу-

дет па-русски». Это означает подтверждение, что в речевом механизме учащихся связи КВЯ—КТЯ являются первичными. Исключения составляют лишь те случаи, являющиеся наиболее частотными в их деятельности на родном языке («мама, сестра»).

У студентов III курса языкового факультета, которые начали изучать второй иностранный язык, наблюдается подключение кода нового (четвертого) языка. После предъявления стимулов на ВЯ и ПЯ слова четвертого языка студенты непроизвольно произносят полностью или частично. Особенность этого заметно при предъявлении числительных и названий цветов. Видимо, в данном случае создаются новые языковые связи. В эксперименте была создана установка действовать на неродном языке. Языки при этой установке функционируют дихотомически: «родной — неродной»⁶.

По результатам ассоциативного эксперимента видно, что на семантико-грамматическом уровне порождения высказывания на ТЯ у учащихся и студентов чувашской аудитории вероятнее всего действует код ТЯ. Операции внутреннего оформления (отбор, сличение, составление и др.) проходят на материале ТЯ⁷.

В психолингвистике известно, что у лиц, слабо владеющих языком, операции лентентной фазы порождения высказывания замедлены и выводятся на моторный уровень. Замедленные операции внутреннего оформления вызывают паузы нерешительности, повторы, коррекции⁸. Создаются условия для подключения кодов ВЯ или ПЯ. Отбор слов ТЯ осуществляется с помощью ВЯ, так как актуализируются новые связи ТЯ—ВЯ. Связь ТЯ—ВЯ на семантическом уровне является непосредственной, а связь ПЯ—ТЯ — опосредованной через ВЯ.

Итак, проведенное исследование позволило выявить специфику связей языковых кодов в становлении речевого механизма трилингвов. Оказалось, что не первый, а второй язык находится ближе к третьему. Это подтверждает исследование советских методистов о том, что последний изучаемый неродной язык оказывает больше превентивного влияния на

⁶ Алхазишвили А. А. Психологические основы обучения устной иностранной речи. Тбилиси, Изд-во «Ганатеба», 1974, с. 24—28.

⁷ Зимняя И. А., Леонтьев А. А. Психологические особенности овладения иностранным языком. — В кн.: Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного. М., Изд-во МГУ, 1971.

⁸ Носенко Э. А. Об использовании некоторых темпоральных характеристик речи для объективного установления уровня владения устной иноязычной речью. — ИЯШ, 1969, № 5.

иностранный язык, чем первый (родной)⁹. В условиях национальных школ, когда обучение иностранным языкам ведется через русский, следует предвидеть и учитывать непосредственное влияние русского языка наряду со скрытым и опосредсованным воздействием родного на иностранный язык.

⁹ Китросская М. И. Некоторые вопросы обучения второму иностранному языку (в свете психолингвистического анализа явления переноса). Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1970; Деканоэзишвили К. Д. Двоякое влияние русского языка на обучение грамматики немецкого языка в грузинской восьмилетней школе. Автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. пед. наук. Тбилиси, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Зерняев Е. М. Коммуникативная нагрузка главных членов простого повествовательного предложения в немецком, чувашском и русском языках	3
Иванов В. И. О размерах предложения и абзаца и об их взаимозависимости в художественной прозе. (На материале немецкого и чувашского языков)	9
Карпович А. Е. Комбинированный метод построения словарных дефиниций. (Из опыта сопоставительного анализа материала английских и русских толковых словарей)	18
Митрофанов И. М. О некоторых особенностях синтаксиса сложноподчиненного предложения (на материале немецкого и русского языков)	23
Петров Г. П. К исследованию вопросов интонологии в советском языкоznании	34
Романова С. С. Лексические американцы в романе Э. Хемингуэя «Острова в океане» (В сопоставлении с бритицизмами)	46
Сазанова А. А. Лексическая сочетаемость слов и методика преподавания иностранного языка в условиях двуязычия	51
Сергеев В. И. Роль квантификаторов в выражении определенного и неопределенного количества в английском и чувашском языках	57
Степанова А. И. Парадигматическое значение причастия II от глаголов непереходных и непереходного употребления в современном английском языке	64
Хрипунова Л. Д. Функции оконного жаргона в романе А. Барбюса «Огонь» и перевод военного жаргонизма на русский язык	75
Ахундов Д. М. Принцип отбора грамматического материала (на материале сопоставления вопросительных предложений в английском и азербайджанском языках)	83
Иванов В. А. Сопоставление контактирующих языков в процессе обучения иностранному языку	87
Краснова Е. С., Сипаев Ю. В. О проведении вступительного экзамена по иностранному языку (к анализу типичных ошибок чувашей)	94
Румянцев В. Ф. Языковые коды в становлении речевого механизма трилингва	102

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ**

Сборник статей

Выпуск I

Тематический план 1976 г. п. 36

Редактор Поздеева С. В.

Корректоры Локтева З. И.,

Евстифеева В. Н.

**НТ 05833. Подписано к печати 3/XII-1976 г. Формат 60×90/16.
Бумага газетная. Усл. п. л. 6,75. Уч.-изд. л. 6. Заказ № 937.
Тираж 500 экз. Цена 70 коп.**

**Типография Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова
Чебоксары, Московский проспект, 15.**